

РЕНЕССАНС НОВЫЙ

3/2011

ФЕСТИВАЛЬ «РУССКИЙ STIL 2010»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда оглядываюсь на эту поездку, меня почему-то не покидает ощущение другой реальности. По договоренности с Ладой и Штефеном Баумгартен, организаторами международного литературного конкурса и фестиваля «Русский Stil», мы должны были встретиться на вокзале Штутгарта со всеми участниками, чтобы отправиться в Туттлинген, к месту проведения фестиваля.

И вот, автобус, ведомый Штефеном, несет нас то по ровным, то по извилистым дорогам, по горным тоннелям, мимо потрясающих пейзажей, расцвеченных щедрыми осенними красками. Закатное солнце своенравно высвечивает рельефы низменностей и верхушек горных ландшафтов; неожиданно выхватывает, как саблю то речушку, то узкое озерцо, внезапно раскрашивая их разноцветной листвой или игрушечными домиками, прилепленными на горных склонах. И облака вдруг оказываются – внизу, насаженными на верхушки деревьев, по обеим сторонам от дороги. А в голове невольно начинают звучать строчки, сначала вразнобой, вперемешку, потом пишутся на случайном клочке бумаги, постепенно выстраиваясь в более стройные картины.

*У горных дорог
не укроешь во влажных руках
Городка.
Вон гнезда домишек
глядятся из пестрых рубах
Ручейка.
Как клецки из манки,
завязли у леса в зубах
Облака.
И мыслей завеса –
бессмысленна – ах!..
И легка.*

А в Туттлингене нас ждет по-домашнему уютная гостиница, вкусный ужин и знакомство со всеми участниками фестиваля. Здесь есть и «старожилы» – те, кто уже побывал на этом фестивале: тележурналисты Марина Меркулова и Александр Мягченков из Москвы, поэтесса Нелли Вист из Германии, писательница и телеведущая Наталья Крупина из Челябинска, прозванная «марципановой Наташей» за свое пристрастие к этой сладости.

Есть и «новенькие» – юная Ольга Кошкина из Екатеринбурга, экстравагантная переводчица и журналист Татьяна Мартынова из Одессы, поэт Андрей Баранов из Подмосковья, редактор и писательница Татьяна Красикова из Минска, журналист Лидия Гусева из Питера, писательница Елена Янге из Москвы, Лейла Шульц из Грозного и еще многие из Германии, России, Украины, Белоруссии.

После знакомства все разошлись в свои номера. А перед сном меня не покидало предвкушение праздника, сродни предновогоднему, когда подарки под елку еще не положены, но Деду Морозу уже нашептаны самые заветные желания. И он, конечно, уже несет на быстрых санях из своей Лапландии, чтобы успеть вовремя все доставить и исполнить.

Утром, несмотря на накрапывающий дождик, из Туттлингена мы едем в старинный город Констанц, в котором переплелись постройки разных времен. Узенькие мощеные улочки, домики, башни, вывески и неожиданно вольные фрески на некоторых фасадах, небольшие причудливые крепости, храмы – просто глаза разбегаются от всей этой живой и здравствующей старины.

Точно знаю, что весь день лил дождь, и мы ходили под зонтиками. Но самое потрясающее – что впечатления, оставленные этим днем такие яркие и светлые, какие могут быть только при самой роскошной погоде.

В одной из старинных башенок – ресторан, где сегодня нас ждет обед. Внутри все до мельчайших подробностей дышит все той же атмосферой ожившей старины, а потрясающие запахи еды дурманят голову. Блюда, принесенные нам, поражают не только дивным вкусом и красотой сервировки, но и своими размерами. Каждому достается тарелка, величиной с небольшой поднос, с пышным разнообразием мяса, гарниров, соусов, зелени и овощей. Вначале, кажется, что одолеть такое количество совершенно нереально, но оторваться от еды невозможно. И в скором времени, сытые и довольные, мы отправляемся на остров Майнау, где нас ждут сюрпризы, награды, поздравления.

По дороге на остров, в автобусе Лада проводит экскурсию, рассказывает о романтической истории этого острова. В свое время Мария Романова вышла замуж за шведского принца. Когда их сын вырос и должен был наследовать престол, то обязан был жениться на специально выбранной принцессе. Однако он был влюблен в девушку не знатного происхождения и отказался вступать в брак с нелюбимой принцессой. Из-за этого он лишился короны, но зато получил в подарок от своего дяди Остров Майнау, где и поселился, женившись на своей любимой. Позже он овдовел и женился вторично – тоже на девушке не королевских кровей, с которой прожил долго и счастливо, собирая на своем

острове коллекцию диковинных растений со всего света. Теперь этот остров перешел в наследство его многочисленным потомкам. Здесь в огромном саду вокруг замка растут причудливые деревья, достигающие порою огромных размеров, необычные кустарники и экзотические цветы.

В древних дворцовых постройках расположились различные выставки, одна из которых стала павильоном для бабочек. Там среди тропических растений порхают разноцветные бабочки – большущие, немыслимой красоты. Они будто позируют перед объективами, садясь поесть на расставленные там и сям тарелочки с ломтиками ананасов и других фруктов, утопающие в переплетениях листьев и цветов.

И вот на этом сказочном острове, в одном из небольших дворцов, в уютном зале проходит награждение победителей конкурса «Русский Stil», сопровождаемое выступлениями, презентациями книг и разных проектов участников фестиваля. На столе расставлены призы – сверкающие статуэтки и другие подарки. Приподнятое настроение, царившее в зале – шутки, стихи, поздравления, после официальной части перемещается в ресторанчик, расположенный почти рядом.

А там, во время застолья начинают звучать песни – такие знакомые с детства всем нам, выросшим в России. И официантки с разным цветом кожи, в изумлении застыли, прислонившись к

дверям, и заморожено наблюдают, с каким азартом и слаженностью весь стол вдруг подхватывает одну песню за другой.

На следующий день нас ждал совсем уж немыслимый маршрут. Позавтракав в Германии, мы направлялись по окрестностям Боденского озера: сначала с немецкой стороны – в город Линдау, а затем в Австрию, чтобы оттуда, после зрелищ и обеда поехать в Швейцарию.

Побывать за один день в трех странах мне, признаться, до сих пор не доводилось, и я испытывала радостное предвкушение. Видимо, ощущение эйфории было не у меня одной, и когда автобус тронулся в путь, выяснилось, что несколько человек забыли взять с собой паспорта. Пришлось возвращаться. На самом деле за всю поездку заглянуть в наши паспорта никто из пограничников так и не удосужился. Но если бы проверка все же состоялась, то у нас могли бы возникнуть неприятности.

По пути Лада затеяла импровизированный творческий вечер (вернее, творческое утро) прямо в автобусе. Каждый желающий брал микрофон и читал стихи, рассказывал занимательные или смешные истории или делился ценной информацией. Потом так же стихийно начали вспыхивать песни.

И вот – город Линдау, где разные эпохи и периоды не просто соседствуют друг с другом. Здесь влияния моды

разных времен порою присутствуют в пределах одного и того же собора, в тех случаях, когда какой-нибудь из них бывал перестроен неоднократно, по прихоти разных завоевателей, оставивших частично те фрагменты строений, которые не противоречили их вкусам.

Современные памятники с фонтанами разворачивают целую иерархию социальных взаимоотношений, с большим юмором трактуя светские и религиозные порядки древних времен.

А вот на площади у фонтана, неподалеку от пристани – шумное молодежное действо в ярких костюмах под современную музыку.

Часть нашей веселой компании разбрелась на радостях по красивым закоулочкам и сувенирным магазинам.

Когда же пора было выезжать в Австрию, то нескольких человек не оказалось на месте. (О, этот наш вечный русский «авось»!) Мобильников у отсутствующих с собой не было, и поиски представлялись делом не быстрым. Штефен с трудом сдерживал эмоции, и по коротким репликам мне стало ясно, что для нас готовится какой-то сюрприз, но если мы опоздаем, то все пропадет зря. Лада выглядела очень собранной и сосредоточенной, она тихо навела какие-то справки у присутствующих, потом куда-то ушла, приводя заблудших гостей небольшими порциями. Наконец-то все оказались на местах, и мы поехали.

В этот день кто-то свыше как будто нарочно подшучивал над нами. В Европе сейчас строительство возникает

на каждом шагу. Дважды наша дорога оказывалась перекрытой, и Штефену, подавлявая вырывающийся стон и проявляя чудеса выдержки, приходилось искать объезд. Большущий автобус с ювелирной ловкостью карабкался и протискивался по каким-то крохотным закоулочкам под наклоном то вверх, то вниз, а потом мчался по объездным дорогам. И кроме меня, сидевшей ближе всех к «штурвалу», никто даже не догадывался, каких усилий стоило Штефену и Ладе удерживать ситуацию, наверстать упущенное время; как точно и слаженно они действовали, как поддерживали и ободряли друг друга. И все это – чтобы мы могли получить предназначенные нам радости в полном объеме.

Но вот, наконец, мы подъезжаем к Австрийской границе и Штефен, с облегчением выдыхает: «Успеваем!»

Мы высаживаемся в городе Брегенц, у подножия горного массива Пфендер, на берегу роскошного Боденского озера. В длину оно огромное, как море, и даже невозможно разглядеть противоположный берег. А взмывая на подъемнике, видишь всю эту красоту буквально с высоты птичьего полета. И тут-то мы понимаем, зачем так торопились – нам предстоит посмотреть «Орлиное шоу». На вершине горы, по которой неподалеку

разгуливают и трубят олени, за небольшой оградой оборудованы скамейки, на которых мы рассаживаемся, вместе с остальными зрителями. Перед нами выступают дрессировщики, представляющие одну за другой большущих птиц – орлов, грифа, огромную сову, какую-то невероятную орлицу по имени Катарина с синеватым опереньем. Эти гордые пернатые красавцы, снимаясь с руки дрессировщика, пролетают с царственной грацией круги над склоном. Потом возвращаются и на брющем полете проносятся прямо над нашими головами, иногда слегка задевая нас крылом, усаживаются на перильца и милостиво позволяют себя разглядеть. А внизу – ширь и блеск Боденского озера, с разбросанными по берегам городками, пристанями, лодками и кораблями. С берега вдруг начинает подниматься дирижабль. И в какой-то момент размах крыльев парящего орла плывет в небе вместе с дирижаблем.

Да! Пропустить такое зрелище действительно было бы очень обидно! Теперь понятно, почему Штефен и Лада так беспокоились.

Но, в конце концов, нам приходится спускаться «с небес». Да и голод – не тетка – пора обедать. К хорошему привыкаешь быстро. И наши желудки уже готовы к поглощению очередной

гигантской порции. После завтрака в Германии нас ждет обильный и вкусный обед в Австрии.

Потом мы направляемся в Швейцарию, в городок под названием Штайнам Райн (Камень на Рейне). Сказочное обаяние этого маленького расписного чуда трудно себе представить. Каждый домик, как старинная игрушка, со своей индивидуальной архитектурой, расписан по всему фасаду какими-нибудь жанровыми картинками или фамильными гербами. Каждая вывеска – это антикварное произведение искусства. И в то же время ощущение такой гармонии и цельности, как будто каждый дом, башенка, храм и каждая деталь нарочно подбирались, чтобы стоять вот так, всем вместе на этой булыжной мостовой. Цветы не только внизу – на клумбе, на фонтане, но и прямо на домах – подвешены к стене в специальных горшках, стоят на окнах, на балконах. На краю фонтана уютно присела бронзовая кошка, которую так и хочется погладить.

Каждый переулочек от главной улицы ведет к Рейну. А там плавится в облаках малиновый с золотом закат и, дробясь, утекает в воду. Катер, названный тем же именем что и город, причаливает к берегу, на него, окружившись, садятся чайки. С горы на нас взирает старинный замок, выглядывающий из разномастной листвы.

Нагулявшись и налюбовавшись вдоль, мы садимся в автобус, чтобы

ехать ужинать. На этот раз перед домом-рестораном с замысловатыми ставнями в вечерних сумерках просматривается среди зелени изваяние оленя. И снова любители настоящего живого пива будут дегустировать и темное, и светлое, споря о том, какое больше подходит к тому или иному блюду.

Но на этом впечатления дня не заканчиваются – нас ждет Рейнский водопад, особенным образом освещенный в темное время суток. По дороге Лада успела о нем рассказать и назвать некоторые цифры: его примерный возраст, ширину, высоту и сколько кубометров воды выдает он каждую секунду. Но поистине, лучше один раз увидеть...

Когда в ночном сумраке мы выходим из автобуса и идем к набережной, вокруг висит непрекращающийся гул. И тут нам открывается шикарное зрелище: в пересекающихся световых потоках кипит, бурлит и бесчинствует водопад, во всю свою 150 метровую ширину, наполняя весь окружающий воздух клубами разноцветного пара. Справа, высоко на горе – загадочная крепость со светящимися окнами. А слева набережная, огибая бурлящую заводь, ведет к самой гуще извергающихся потоков.

Я конечно же сразу помчалась в самые объятья стихии – туда, где вода расширяется с грохотом, обдавая мельчайшими брызгами и клочьями пены. А дальше... дальше меня охва-

тывает восторг, от которого хочется летать, орать и реветь вместе с этими распоясавшимися бунтующими потоками... внутри все подпрыгивает и хохочет. Я просто ошалела и влюбилась... да, влюбилась!.. и о нем, любимом, уже невозможно думать и говорить иначе, кроме как стихами...

*Почти внутри, совсем вплотную, рядом,
Я в потрясенье Рейнским водопадом.
Семнадцать тысяч лет могучим станом
Он – весь навыхлест, в танце неустанном.*

*Ежесекундно извергая тонны,
Со страстью месит массы – рев и стоны...
Неиссякаем в нетерпенье пеня,
И воздух весь – в испарине и пене.*

*Разгул, почище мотовства и пьянства.
Вот это – мощь! Вот это – постоянство!
Я вся поражена любовным ядом,
И всех теперь сверяю – с водопадом!*

Когда возвращались, внутри все пело и плясало, а кровь превратилась в шампанское и празднично закипала, норовя перелиться через край. А перелистывая в мыслях сегодняшние события, трудно было представить себе, что все это произошло за один день.

А назавтра, с утра мы собрались обсудить проблемы творческих союзов, взаимоотношений авторов с издательствами и всего того, что помогает современной литературе дойти

до читателей – быть услышанной, прочитанной, воспринятой.

Московская писательница Елена Янге поделилась своим опытом и наблюдениями. Татьяна Кайзер, член Международного сообщества писательских союзов и общества «Berliner Literaturbund», ратовала за чистоту слова. Карина Бахмутская, обладатель гран-при Афинского фестиваля русского искусства за рубежом, высказывала острые суждения, полярные по отношению к ранее высказанным. То и дело разгорались жаркие споры, тем не менее, это не помешало всем нам сблизиться, многое понять, извлечь максимум пользы из разности опыта и жизненных позиций всех присутствующих.

После обеда все гуляли по Туттлингену – в свободном полете. Кто-то совершил восхождение на близлежащую гору, чтобы на ее вершине погулять по замку. Кто-то бродил по улочкам, заглядывал в магазинчики. Марципановая Наташа конечно же устремилась пополнять запасы марципанов. А кто-то пошел к Дунаю, который здесь протекает прямо посреди улицы. И трудно поверить, что вот эта небольшая речушка, берущая здесь свое начало, дальше превращается в тот самый широкий и могучий «Дунай, Дунай, а ну узнай...», воспетый в песне советских времен, которая привязчиво начинает звучать в ушах при одном только упоминании этой реки.

Но вот и приходит прощальный вечер. Звучат стихи, смех, песни, частушки, экспромты. Приехавшие музыканты – группа «Объятья!», выходцы из Питера, как-то сразу влились в эту теплую, открытую, почти родственную атмосферу. И их привлекают в жюри Поэтри-Слэма.

От азарта у всех горят глаза, страсти накаляются, аплодисменты – такие горячие и продолжительные, что трудно понять, кого из поэтов зрители принимают с большим энтузиазмом. В конце концов, победила самая юная Ольга Кошкина, второе место завоевал своим блистательным юмором Андрей Баранов, а третье – острая на язык Елена Яхненко. И снова – награды, музыка, шутки и танцы – огневые, озорные.

А когда все вроде бы расходятся по своим номерам, то оказывается, что разойтись нет никакой возможности. И снова все оказываются вместе, в самом большом номере, живописно облепив и обжив все возможные сидячие и лежачие места. Творческий вечер стихийно продолжается. И продолжают открытия: Карина Бахмутская читает немыслимо смешные миниатюры, Вероника Венедикторова пробуждает лирические эмоции, Наталья Крупина уводит в философские глубины, и все – по кругу читают, рассказывают, шутят, и блестит неожиданными гранями творческий калейдоскоп.

На следующий день все горячо прощаются, разъезжаясь, разлетаясь в разные концы мира. И каждый уносит в себе этот праздник и всех нас, с тем, чтобы после переписываться, общаться, и возможно, в недалеком будущем увидеться снова.

Уже в самолете я снова и снова перебираю огромный ворох впечатлений. Привычные границы раздвигаются, и приходит ощущение причастности к какой-то огромной общности, проявленной по всем концам Земного шара.

Ведь все мы – грани одного загадочного целого под названием «русская культура». И где бы мы ни жили, нас связывают единые корни – эта необъятная страна Россия, непостижимая до конца даже для ее жителей; хронически переживающая непростые времена разной степени тяжести; изобилующая талантами, большей частью невостребованными и расплесканными по всему миру в поисках применения и удачи.

И по сердцу теплом разливается благодарность ко всем, кто с такой любовью возвращает нашу русскую культуру в разных странах, на европейских и других землях. Да не оскудеет рука дающего.

Ирина Егорова

БЕЗ ПРЕТЕНЗИЙ НА ПРИЗНАНИЕ

Представляем члена МГП, автора из Латвии – Михаила Баютина.

Михаил о себе:

«Мне нравится что-либо творить – это мое хобби. Романтическая натура увлекает меня в разных направлениях. Например, я придумал шасси, позволяющее автомобилю двигаться боком. Кроме того, мне нравится сочинять небольшие истории – прозаические, фантастические, а также стихи. Впрочем, я не называю себя ни писателем, ни изобретателем, так как все мои творения – это частица моей души».

ЖИЗНЬ МУЖЧИНЫ

- 1). Мужчина за свою жизнь должен (традиционно):
  - построить дом,
  - посадить дерево,
  - вырастить сына.
- 2). Мужчина может прожить свою жизнь так, что заглянув в кладовую комнату, увидеть:
  - гору стоптанных башмаков и груды изношенных джинсов.
- 3). Мужчина за свою жизнь сможет:
  - снести гору,
  - выкорчевать лес и завалить реку мусором.
- 4). Мужчина за свою жизнь способен:
  - покорить космос,
  - завоевать другую галактику и составить карту Вселенной.
- 5). Мужчина за свою жизнь сумеет:
  - создать искусственный интеллект,
  - посетить параллельный мир и открыть новую форму жизни.
- 6). Мужчина в своей жизни может:
  - наломать дров,
  - дать стране угля и нарвать на клумбе цветов для любимой женщины.
- 7). Мужчина в своей жизни обязан:
  - любить женщину,
  - дарить ей цветы и говорить всякие глупости.
- 8). Мужчина в своей жизни имеет право:
  - быть первым всегда,
  - быть первым везде и никогда не вырваться вперед.

И, как вы видите, все это мужчине ПО-ПЛЕЧУ.

В НЕПОГОДУ

Проходит бродяга морской,
Мы снова одни в плену темноты
И лишь звезды вдали, утверждая покой,
Равнодушно глядят со дна высоты.

Теряется в дымке его силуэт,
Торжествуют лишь грусть да стихия,
Укрывает волна исчезающий след,
Белоснежно кипят просторы морской.

И завтра мы будем также идти,
Видя небо сквозь белый туман,
Будут волны ласкаться на нашем пути
О стальной обтекаемый стан.

Будет небо багровым огнем полыхать,
Облака, словно факелы, вмиг зажигая.
И солнце – кровавый желток из яйца,
Прощаясь, грустит и волны мягко ласкает.

Одиночество наше, конечно, печаль,
Но оно неизбежно в пустыне,
Приятно бывает здесь повстречать
Бредущих по синей равнине.

И надежда вселяется в душу тогда,
Что не одни мы в затерянном мире,
Что есть и нас ждут еще берега,
Ну, что же – нас помнят, пока, в этом мире.

О ВЕРЕ, БЕЗВЕРИИ И ТВОРЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

С тех времен, когда алхимики превратились в нобелевских лауреатов по химии, а ведьмы угнездились в ТВ-шоу, определенного рода публика лишилась такого обязательного компонента бытия, как «дьявол во плоти». Однако природа, как известно, не терпит пустоты и на эту роль потихоньку-полегоньку стали выдвигать служителей муз, в первую очередь художников, к коим часть населения относится хоть и с интересом, но настороженно. Их подозревают в безнравственности, не соблюдении заповедей и, вообще, в отсутствии Бога за душой. И если где-то этот вопрос латентно-лежащий, то в российских палестинах его решили поставить ребром. Наверно для того, чтоб и в Канаде был виден. Получилось очень выразительно: Москва 2003 г., художники выставку с «богопротивными картинками» организовали. Народ обиделся, картинки покидал-поптал, а на организаторов другой подобной выставки в суд подал, тюрьмы требовал, – кому как не уркам, их перевоспитанием заняться – да вот незадача: охальники только штрафом отделались. Тут всякие доб-

рохоты возмущаться стали, свободы творчества требовать. Люди верующие свой аргумент имеют: у нас поведение строго заповедями регламентировано (у кого-то их 10, а у кого-то 613 – это без разницы). И мы от заповедей отступить не можем, а всяким безбожникам от своих придумок, типа «свобода творчества», безболезненно можно подвинуться.

На этом повороте сюжета меня вопрос осенил: «А кто решил, что творчество от религии сильно отличается?». Давайте-ка порассуждаем. В семье кухарки и конюха мальчик родился с необыкновенными художественными способностями. А мог и в графском замке. И почему там и тогда? Рационально необъяснимо. Только высшей эманацией. И начинает дитя служить этому Дару, подчиняться ему. Чувствуете аналогии? И за служение, что обещается самым ретивым? Бессмертие души. Только не на небесах, а в творениях своих. «Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире мой прах переживет...». Соответственно, за небрежное к Дару отношение высшие силы Дар или придерживают или вовсе отнимают.

Вот гипотетический скульптор: высокий, здоровый, общительный, со связями на предмет заказов, с натурщицей-красавицей, с французским коньяком на столе, – а и он просыпается по ночам в холодном поту: «Мама-Мама!» И почему? Потому что для нового монумента идей нет. Сгнули. Хоть папу зови. И начинает мой герой метаться: по студенческому опыту переходит на водку, с красавиц на дурнушек, даже бывшей второй жене букет несет. А толку нет, идей нет. Не копировать же Петю-Ваню, тем более, что и они уже у кого-то скопировали. Тогда – дефиле по ресторанам, с драками. Или в лес отшельником... И как вам такие муки? Не слабее самобичевания или ношения вериг по морозу. Только б снизошла благодать. Та благодать Вдохновением зовется, и каждый взыскающий свою дорожку к ней торит. Бывает, что о-о-о-очень своеобразную. Как у всякой религии, у художников есть свои святые, за веру пострадавшие, как и свои вероотступники; свои расколы и ереси. Конечно, есть у нас храмы, Храмами Искусства называются. Это музеи, выставочные

залы или места проведения вернисажей. Здесь культ сбегается, здесь он является народу. Но не всякому, а посвященному. Посвященный народ это тот, что владеет языком искусства, умеет читать и толковать наши письмена. Все, как у людей...

Кому-то мои построения покажутся слишком искусственными. Или ироничными. Хорошо, вот факт безусловный: все мировые религии, вылившись из первоначального кокона аскезы и подполья, являлись миру рука об руку с архитектурой, живописью, скульптурой, ювелирным искусством, дизайном одежды, резьбой по дереву и так далее, хоть минимум, с искусством каллиграфии. Творчество – как духовный акт, и религия, как форма земного обустройства души, они не могли не сойтись. До определенного момента. Светская ересь бывших «не разлей вода» развела далеко; символы религиозные уже более столетия используются художниками как угодно. У искренне верующих это не может не вызывать печаль, а то и подспудное раздражение. Уверен, что нынешний клинический случай не про их чистые души. Происходящее сегодня соотносится со сценой из фильма «Андрей Рублев». Поволжский грабитель разоренную церковь обсматривает. Фрески комментирует примерно так: «Если эта дева вашего бога родила, то какая же она дева?! Ха-ха-ха!». То есть: пришел хам в чужой храм, разбой учинил, ибо в чужой вере ни уха, ни рыла; ему мало, так и в полон тащить вздумал. И уверен, что с рук сойдет. Еще бы! Ведь местный князь у него в союзниках и приговорец нужный подмахнет. Не впервой.

В середине семидесятых беседовал я с моим учителем скульптуры на тему выставки нонконформистов, что была коммунистической властью разгромлена, вошла в историю под названием «Бульдозерная выставка». И учитель высказал (за закрытыми дверями) свое отрицательное мнение о художественных качествах пострадавших работ. «Разрешили бы экспонировать и обсуждать открыто... А теперь...». Вот именно: похвалишь – дураком будешь, а обругаешь – подлецом. Ныне опять повторяется тромбоз искусствоведческой мысли. Пока приговор висит, серьезного анализа работ просто быть не может. Спасибо прокуратуре и суду.

Коли специалисты должны молчать, то самозванные защитники религиозных ценностей из вербальной канализации щедро удобряют окрестности: «А если бы над Торой так поиздевались, а?». (это я самую политкорректную цитату выбрал). Нацсостав «провинившихся» художников мне не известен, но что видели мои глаза – могу пересказать. В 1991 г., посетив центр Тель-Авива, я забрел в галерею Адассы Клячкин и ознакомился с экспозицией известного израильского художника Самуэля Бака. Часть его работ вполне подпадают под новейшую трактовку оскорбления религии, в данном случае иудейской. Я знал, что местные ультраортодоксы воюют со скульптурой на площадях и в скверах, а тут – тишина, покой и хозяйка, божий одуванчик, никого не боится. Не верю, что на равнинов идеи свободы творчества подействовали. Просто, как и в любой цивилизованной стране, заявление на художника

прокурор не примет, а с другой стороны, безусловность тюремных нар и гигантских компенсаций за вандализм действует отрезвляюще даже на очень, ну очень верующих. (Кстати о публичности. Одно дело – вернисаж, и другое – монументы, обращенные к каждому мимоходящему; без сомнения, их установка есть итог идеологического консенсуса в обществе и к нашей ситуации отношение не имеет).

Теперь вернемся на почву российскую. На мой непросвещенный взгляд все бы могло завершиться вполне пасторально: вот гуляют вольные людишки, шалят по художественным сусекам, в суды заявления писать научились. И, конечно, в свои храмы ходят, исповедуются. Случай местным батюшкам, умудренным исторической памятью, своих чад охладить, их неумную энергию на помощь сирым и убогим направить...

Тут имел я неосторожность на встрече с приехавшим из Москвы в Монреаль высоким духовным лицом заикнуться о наблевшем, но дальше первой фразы не продвинулся, ибо получил ответ гневный (на меня вопрошающего направленный), мол Церковь за всех хулиганов не отвечает и нечего тут воду мутить.

Замечательно! Мутить не буду. Следующую статью в защиту своего вида искусства напишет музыкант. Или актер. Или танцор или... сыграем в угадайку?

Леонид Ватник, скульптор

ДВОРЦЫ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА – ОЧАГИ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Из многолетнего литературного опыта работы с одаренными детьми из клуба «Братские роднички»

Владимир Корнилов – член МГП, член Союза писателей и Союза журналистов России, «Почетный работник общего образования РФ», педагог и методист высшей квалификационной категории Дворца детского и юношеского творчества пос. Энергетик, г. Братска, руководитель клуба «Братские роднички».

Высокая духовность и нравственное здоровье человека всегда были одной из главных заповедей Русской нации, ее Православной культуры, сумевших пережить на протяжении многих веков не только страшные катаклизмы, но и примером своего исторического бытия противостоять духу западного растления. Не зря за рубежом по сей день не перестают удивляться нашими великими, по самородному таланту, соотечественниками.

Сколько славных, незабываемых имен всколосилось на благодатной сибирской земле, поднявшись в своем творчестве до вершин мировой культуры!..

Но чтобы сибирские самоцветы и впредь продолжали сиять на фестивалях и праздниках, необходимо искать эти драгоценные зернышки в детских душах, шлифовать на занятиях и дарить эту чистую по своей неповторимой окраске таланта красоту людям.

Этим и занимаются долгие годы высокопрофессиональные педагоги и методисты Дворца детского и юношеского творчества г. Братска, пос. Энергетик, помогая раскрыться в душах

одаренных мальчишек и девчонок их творческому «я».

Руководит в течение многих лет этим талантливым коллективом замечательный педагог и директор Панасенкова Любовь Петровна. Во Дворце открыто более 40 различных кружков и студий (к которым относится и детский литературный клуб «Братские роднички»), где дети выбирают себе занятия творчеством или научным поиском, исходя из своих духовных и интеллектуальных интересов.

Как хорошо, когда душа человека, особенно ребенка, наполнена духовным смыслом, стремится выразить себя, свой внутренний мир посредством редкого божьего дара – художественного слова, музыки, изобразительного искусства и других видов творчества. Но это накладывает и ответственность на каждого педагога или наставника, занимающегося с творчески одаренными детьми, особенно сейчас, когда «желтая» пресса и многие средства массовой информации ежедневно предают святыни нашей национальной культуры, подвергают оскорблению ее духовность.

Поэтому, чтобы обереечь детей от пагубного влияния антикультуры, современное общество должно позаботиться о сохранении имеющихся очагов детской духовности, каковыми являются нынче Дворцы детского и юношеского творчества, с успехом выполняющие свою нравственно-патриотическую миссию...

Немаловажную роль в духовном воспитании подрастающего поколения выполняет и литературный клуб «Братские роднички», идея создания которого возникла у меня почти тридцать лет назад. Тогда, посещая Братское городское литобъединение «Истоки» при газете «Красное знамя», я видел постоянный приток юных авторов, пробующих писать стихи и рассказы. И лишь в 1994 году, после окончания Литинститута им. А.М. Горького, при поддержке генерального директора департамента образования г. Братска Слободчикова Александра Александровича, я сумел претворить свою давнюю задумку. Так при Дворце детского и юношеского творчества был организован литературный клуб.

Для занятий с литературно-одаренными детьми я разработал авторскую

программу, включающую в себя теоретическую часть, связанную не только с «азами» поэзии и расширением исторического и духовного кругозора ребят, но и практическую часть, в задачу которой входит становление и формирование художественного литературного языка, закрепление теоретического курса, обретение в дальнейшем собственного поэтического голоса, минуя пору ученичества и подражания более сильным кумирам отечественной поэзии.

На первых занятиях мы с ребятами выработали свой устав и придумали название клубу. Из многих предложенных названий, единодушно выбрали «Братские роднички»: ибо родники питают и исцеляют не только саму Природу, но и человеческие души, особенно детские, высветляют их изнутри, помогают им на родной земле сохранить в дальнейшем свое национальное самосознание и достоинство.

Целью клуба было найти одаренных детей и помочь им творчески состояться. Вскоре я сумел набрать более тридцати ребят, с которыми начались занятия по разработанной мной авторской программе, утвержденной в Иркутске Институтом усовершенствования педагогов.

Так появилась самостоятельная детская творческая организация с твердым расписанием занятий. Ребята были разные по возрасту и интеллекту, но их объединяло одно высокое стремление – любовь к поэзии и ко всему прекрасному. Они тонко чувствуют и отражают в своем творчестве это непростое сумбурное время, высвечивают перед нами, взрослыми, его проблемы, пропуская их через свои хрупкие детские души.

Особое внимание на занятиях с ребятами уделяется устному народному творчеству, литературным памятникам Древней Руси, а также знакомству с лучшими образцами отечественной словесности, поднявшейся до высот мировой культуры. Это все вырабатывает в детях хороший читательский вкус к художественной литературе, формирует у них не только художественный язык, но и непреходящие в веках нравственные понятия: совести, чести, долга перед своим Отечеством, учит анализировать происходящие вокруг них исторические события и давать им свою оценку, – и это все идет из глубины нашей могучей, политической кровью истории и ее самобытной русской культуры.

Программа занятий с детьми, рассчитана на четыре года обучения. Немало часов отводится нашим сибирским поэтам и прозаикам. Такое знакомство воспитывает у детей чувство

любви к малой родине, к ее культуре, помогает им бережней относиться к природе и местным историческим памятникам.

Помимо любви к малой родине, в программе огромное внимание уделяется актуальности происходящих в стране событий. Я учу размышлять детей о жизни, видеть не только ее красочные стороны, но и нелицеприятные трагические моменты. И дети, как губки, вбирают в себя это непростое время, пропускают его через себя, чтобы однажды выразить пережитое ими в произведениях.

Знакомясь на занятиях с устным народным творчеством, дети глубже осознают свои исторические корни и роль Русского Православия, сыгравшего немалую роль в духовно-патриотическом воспитании наших героических сородичей.

За неординарные произведения наши ребята неоднократно становились лауреатами городских, областных и Всероссийских фестивалей. Кроме этих достижений, члены клуба «Братские роднички» на протяжении многих лет награждались дипломами лауреатов одного из самых популярных детских журналов России – «Сибирячок».

Их стихи и рассказы опубликованы более, чем в 70-ти различных сибирских, столичных детских и юношеских журналах, альманахах: «Юность», «Мурзилка», «Миша», «Детское творчество», «Внешкольник», «Детская роман-газета», «Русская сила», «Первоцвет», «Недоросль», «Я – сама!», «Народное образование», «Сибирь», «Синильга», «Истоки», «Литературная Губерния» и во многих других изданиях.

За эти годы в Иркутске наш литературный клуб выпустил два коллективных сборника «Сердцу светлого праздника хочется» и «Роднички детства».

Произведения ребят подкупают, прежде всего, не только наметившимся уже самобытным литературным голосом, но и своей незащищенностью и исповедальностью. В светлых юношеских чувствах, выраженных в их произведениях, они не кланчат у любви милостыни, не опошляют ее, если она не взаимна, а сохраняют свое достоинство, хотя и испытывают при этом в разлуке с любимыми муки невыносимой боли и страданий.

Во время занятий по авторской программе мне приходится учитывать возрастные и интеллектуальные способности каждого. Начиная с первого года обучения, программа предусматривает две возрастные группы: младшая (9–12 лет) и старшая (13–17 лет).

Цель данной программы – научить детей умению глубоко и вдумчиво вглядываться в жизнь и отражать увиденное доступными для каждого возрастного периода средствами художественного выражения, будь то рассказ или стихотворение.

Большое внимание я уделяю гуманистическому воспитанию ребят, формированию у них ценных нравственных и духовных качеств, важных для души человека. ...

А теперь остановимся на критериях приема детей в литературный клуб «Братские роднички».

Во-первых, для занятий стихотворным творчеством необходимо, чтобы ребенок сам чувствовал ритм стиха и его внутреннюю музыку.

Во-вторых, у литературно-одаренных детей язык намного богаче и образнее, насыщен свежими метафорами, яркими эпитетами, меткими, своеобразными деталями и приметам.

В-третьих, одаренность сразу же чувствуется в духовности ребенка, которая формирует его интеллект и внутреннее мировоззрение. Если ребенок не читает книг, и все его интересы сведены к минимуму общения с прекрасным, то вряд ли мы можем ожидать от него в будущем гармонического развития личности и настоящих результатов в творчестве...

После зачисления в клуб ребят, прошедших предварительное собеседование, особое внимание уделяется мной формированию у них художественного литературного языка, благодаря практическим занятиям по стилистике, анализу ошибок при разборе их стихов и рассказов, работе с различными литературными и энциклопедическими словарями. В результате мы получаем заранее спрогнозированный положительный результат, который стоит немалых физических и интеллектуальных усилий, как для наставника, так и для ребенка.

Но как бы не были успешны занятия с детьми, у наставника всегда возникает множество проблем, одной из которых является преодоление так называемого периода «ученичества», то есть подражательности своим кумирам-классикам. Но ведь и юный Пушкин в своих первых стихах талантливо подражал Жуковскому... Но все же несколько лет напряженной плодотворной работы над стихами, над формированием собственного стиля у ребят, помогают им обрести свой голос в поэзии, который ни с кем не спутаешь.

Другой, не менее важной проблемой для педагога является сохранность контингента. Конечно, не все дети, вступившие в литературный клуб,

смогут одолеть 4-летний курс обучения. Да и само творчество потребует от них огромной силы воли и незаурядного вдохновения, чтобы быть выразительными. Поэтому часть из них будет периодически уходить в другие жанры детского творчества и мне приходится постоянно пополнять коллектив новыми детьми.

Нередко случается и такое, когда некоторые из моих воспитанников, после первых публикаций в местных печатных изданиях, газетах и журналах, перестают посещать занятия, возмнив о себе, что они уже вполне сложившиеся «литературные гении». Но время показывает обратное: т.к. в дальнейшем их «творчество» остается невостребованным. Безусловно, работать с детьми не только всегда интересно, но и ответственно.

В 2001 году за плодотворную работу с литературно-одаренными детьми Министерство образования РФ вручило мне нагрудный знак и присвоило звание «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

В 2002 и 2007 гг. за высокие результаты в творчестве у моих воспитанников на городских, областных и Всероссийских фестивалях я был награжден Почетными Грамотами Иркутского регионального отделения Союза писателей России и Благодарностью

Иркутского областного комитета по культуре и молодежной политике.

Особенно хочу отметить самородный талант следующих своих воспитанников – Александра Бутько, Валентину Рунову, Александра Мальма, Венеру Вафарову, Николая Полехина, Дарью Столярову, Ольгу Шаньгину, Екатерину Мельникову, Юлию Панову, которые неоднократно являлись победителями городских, областных и Всероссийских литературных конкурсов и фестивалей, таких как «Жемчужина Братска», «Молодость. Творчество. Современность» (г. Иркутск), «Я вхожу в мир Искусств» (Москва), «Мой Пушкин» и мн. др.

Как видим, мои творческие поиски не пропали даром, а нашли свое продолжение в одаренных детях. И я очень благодарен судьбе, что она помогла мне найти таких ребят, научила терпимости в работе с ними: ибо, помимо заложенного в них «божьего дара», у каждого из них свой, особый, характер и нрав, с которыми приходится считаться, как с индивидуальными творческими личностями, бережно охранять и терпеливо выращивать эти хрупкие, самобытные зёрнышки таланта, чтобы однажды они пышно расцвели и заявили о себе во весь голос.

В этом, я думаю, и заключается истинное назначение педагога-наставника, в полной мере обретающего себя лишь через воспитание другого таланта...

И нынче, продолжая уже 17-й учебный год профессиональной работы с ребятами из клуба «Братские роднички» и радуясь их новым творческим успехам, – хочу сказать следующее: живет в глубине детских душ, в их исторических генах самородное русское слово, напоенное былинным эпосом далеких сородичей, вобравшем в себя самые потаенные нравственные и духовные переживания народа, благодаря которым и возможно только созидание на ниве отечественной словесности.

Поэтому в дальнейшем желаю своим воспитанникам огромного творческого труда («мозолей на ладонях стихов»), поиска новых форм (не пренебрегая русскими традициями этого сложного жанра, каковым является Поэзия).

Пусть светлые «роднички» их литературного творчества и впредь несут нам эту животворную силу красоты и духовности, без которых немислимы в будущем наша русская культура и национальное самосознание.

В заключение хочу подарить своим воспитанникам эти лирические стихи.

Детскому литературному клубу «Братские роднички»

В нас утолят мучительную жажду
Их детских душ святые родники,
На всю Россию зазвенев однажды
В истоках поэтической реки.
...И станут дни, свои сменяя числа,
Высокими, как горние¹ мечты:
Ведь их стихи в душе особым смыслом
Заполнят все, чего не ведал ты.

В. Корнилов

¹ небесный

Стихи Владимира Корнилова

Праздник зимний Никола

Тонкие снежные блески
 Ангелы сеют с небес.
 В инее белом березки
 Сгрудились кучкой невест.
 Всюду узоры в окнах.
 Весел и праздничен день.
 Зимний Никола под солнцем
 Льет колокольную звень.
 ...Господи! Господи! Господи! –
 Как это сердцу сродни!
 В звоне малиновом, Господи,
 Благостью полнятся дни!...
 Музыка горней влекомы,
 Люди к молебну спешат,
 Чтобы у Божьей иконы
 Вновь освятилась душа...
 Возле церковной ограды,
 Много нарядных старух,
 Крестятся – празднику рады,
 Глянешь – заходит дух.
 ... Значит, еще не померкли
 Радость людская и грусть,
 Если толпится у церкви
 Наша исконная Русь.

Зимняя элегия

В.Г. Распутину

Восхищаться перестали мы:
 Словно пленкой застит взгляд.
 ... В пышных шубах горностаевых
 Нынче елочки стоят...
 Русь зимой щедро подарками.
 В лес войди – и удивись!
 За серебряными арками
 Здесь совсем иная жизнь...
 Плюнь на мысли оголтелые!
 Прочь о деньгах разговор! –
 И березок шали белые
 Озарят твой мрачный взор.
 Зазвонят лесные звонницы
 О величье бытия, –
 И душа добром наполнится
 Вновь по самые края.

Зимняя свадьба

Скачут звонко кони синие,
 Ленты ярко развеваются.
 Свадьба вытянулась в линию –
 С небом санный путь сливается...
 А зима, сверкая красками,
 Озаряет свадьбу вымыслом –
 И с поклонами, побасками
 Ей навстречу солнце вынесла.
 ... Мчится! Мчится свадьба зимняя!
 В колокольчиках, бубенчиках! –
 Это Русь-невеста в инее
 С Рождеством в мороз обвенчана.

***

Русь моя с ее раздольем,
 Хрусткий наст январским днем.
 И горит... горит по вздолям
 Снег малиновым огнем ...
 Кружева на снежных ветках.
 В блесках солнечный зенит.
 В запорошенных беседках –
 Смех серебряный звенит...
 Сам мороз, крутой по-русски, –
 Людям взбадривает кровь.
 ... И глядит на мир без грусти
 Светлым праздником Любовь.

КРЕМЛЕВСКИЙ ЧАЙ

Однажды Владимир Владимирович Маяковский, стоявший памятником на площади своего имени, вдруг заскучал. Тошно ему стало без движения стоять, тем более что он при жизни своей и на бронзы многопудье плевал, по крайней мере, в стихах – и на мраморную слизь тоже. Стоишь себе и стоишь, а вокруг жизнь так и кипит в нашей буче боевой и могучей. Ни днем, ни ночью не останавливается. Ну, раз можно себя под Лениным почистить, ну два, но нельзя же каждый день одно и тоже – тем более, что и Ленина этого самого из головы доставать приходится: памятник-то поставили, а портрет ленинский над памятником повесить не догадались. Так что стой, дорогой Вадим Вадимыч, себе спокойно. Даже ноги поразмять не дозволено, отжил, мол, свое...

Отжил? Ну, нет!! И с этим решительным, громко произнесенным «нет!» Маяковский спрыгнул с постамента, и как был, в пиджаке, в осенних туфлях, зашагал от своей площади к центру. На дворе мороз стоит двадцать градусов – не меньше, а ему нипочем – шагает себе и шагает. А дело было ночью.

Идет Маяковский по улице своими огромными шагами и каждый шаг за километр гулом отдается. А в это время в Кремле товарищ Сталин вместе с товарищем Ежовым над списком врагов работали, и товарищ Сталин решал, против кого крестик поставить, против кого кружок, кого и вовсе вычеркнуть, а кого и вставить. А товарищ Ежов сидел напротив на краешке стула и когда совета спросят – советовал, когда не спросят – молчал. А про себя радовался, потому как фамилии его в списке не было и вставлять ее товарищ Сталин вроде пока не собирался.

И вот сидят они так, работают, товарищ Сталин время от времени чай из стакана отхлебывает – а чай с лимоном, да с хорошим, из Грузии товарищу Сталину присланным, так что аромат от этого лимона дивный аж по всей комнате распространяется – и вдруг слышат в ночной тишине: «Бум! Бум! Бум!». И товарищ Сталин глаза от списка поднимает и спрашивает: «Что это, товарищ Ежов, за странные звуки?» А товарищ Ежов и рад бы что-то ответить, да не знает что. Сказать «не знаю» нельзя, а «знаю» тоже как-то не получается.

А «Бум! Бум!» еще того громче. Тогда товарищ Сталин и говорит: «Странно это как-то, товарищ Ежов. Мы вам доверили такой ответственный участок, как борьба с врагами, а вы даже спокойную рабочую обстановку обеспечить не можете. Чем занимаются ваши люди, товарищ Ежов? Я уже начинаю думать, не вставить ли нам сюда, – и на список указывает, – фамилию товарища Ежова. Я думаю, члены Политбюро меня поддержат...», – и чай из стакана отхлебывает. А потом неожиданно как бы сам себе говорит: «Замечательные лимоны выращивают в Грузии. Надо дать указание, чтобы их в Подмосковье выращивать начали. Наш русский народ должен иметь свои собственные лимоны». А Ежов Николай Иванович сидит при этом, не колыхнется, даже и губами двигать боится. Знает: лимоны-то

оно, конечно, лимонами, но если уж товарищ Сталин про список заговорил и про то, как туда товарища Ежова вставить, так уж товарищу Ежову, вроде, по себе отходную петь пора.

А в это время «Бум! Бум!» с такой силой звучит, что в кабинете стекла дрожать начинают. Тут товарищ Сталин глаза от стакана с чаем на товарища Ежова переводит и этак удивленно спрашивает: «Так что же вы сидите, товарищ Ежов? Идите и узнайте в чем дело». На что товарищ Ежов пулей из кабинета вылетает, молнией мимо часовых бежит, во двор к своей машине спускается и говорит шоферу: «Слышишь?» А тот отвечает: «Слышу конечно». «А слышишь, так гони что есть духу, на звук». А «Бум! Бум!» все ближе и ближе.

Машина товарища Ежова на бешеной скорости вылетает из Спасских ворот, мчится на звук – и минуты не прошло, как товарищ Ежов видит шагающего по проезжей части Маяковского. И куда там бронза подевалась, куда там мрамор исчез – живой идет Маяковский, как будто и не умирал никогда!

Товарищ Ежов из машины выскакивает и что есть силы «Стойте!» – орет. Остановить, значит, Маяковского пытается. Но куда там! Тот и внимания не обращает на карликовую фигуру у своих ног и продолжает шагать как ни в чем ни бывало, двигаясь в направлении Александровского сада, а значит Кремля.

Ужас охватывает товарища Ежова с головы до ног. Он уже видит как товарищ Сталин, склонившись над списком, вписывает туда буква за буквой его фамилию, чувствует, как за ним приходят, как скручивают ему руки, сорвав предварительно с гимнастерки знаки его комиссарского отличия, как ведут его на допрос пыточный, а то и сразу в расстрельный подвал. В полном отчаянии он расстегивает кобуру, выхватывает пистолет и пытается выстрелить Маяковскому в спину, но шофер с криком: «Вы с ума сошли, Николай Иванович! Вы что, забыли, что товарищ Сталин про этого Маяковского сказал? Лучший, мол, и талантливейший поэт нашей эпохи! А вы в него из пистолета, застрелить его собрались!», – выбивает у него из рук пистолет. На что товарищ Ежов тихим, потусторонним голосом спрашивает то ли себя, то ли шофера, то ли какую-то еще высшую силу: «Но что же делать?».

«Надо немедленно подключить к делу товарища Дзержинского», – говорит шофер решительно.

«Немедленно? Через минут десять поэт Маяковский будет у Александровского сада, еще через две минуты у Спасской башни. И тогда...».

Но Николай Иванович и сам понимает, что будет тогда. Он даже не спрашивает, как ему удастся уговорить каменного Дзержинского, садится в машину, и шофер гонит к Лубянке. У памятника машина останавливается. Дзержинский стоит как стоял, только шинель запахнул поглубже: на улице мороз, а он и так склонен к простудам да и годы уже

не те – а в лице и не изменился, непонятно даже, дошла до него история с Маяковским или нет. Вроде должна была дойти: «Бум! Бум!» то уж и здесь слышен.

Николай Иванович попробовал сперва к Дзержинскому начальственным голосом обратиться, как нарком – мол, НКВД это тебе не какое-то там ЧК! – ну, да напрасно только время потерял: ни один мускул не дрогнул на лице товарища Дзержинского, только запахнул он поглубже шинель, и все тут. Проваливай, мол, товарищ нарком с твоими проблемами. А куда проваливать-то – в расстрельный подвал?

Спасибо, шофер надоумил, говорит: «Николай Иванович, а вы его Христом-Богом попросите. Он ведь из поляков, верующий значит был. Поляки – они такие: из них этой веры ихней, хоть ты им кол на голове теши, не выдерешь. Да и потом, вы ж по-польски говорите, может и смягчите сердце его железное. А то ведь дело-то – труба!».

Послушался Николай Иванович совета, тем более что времени уже на минуты счет пошел, стал перед памятником на колени и говорит: «Как вы, Феликс Эдмундович, есть наш ангел-хранитель и верный сын революции, помогите, Христом-Богом вас прошу, остановить товарища Маяковского – или пусть хоть тише ходит. А то ведь товарищу Сталину работать мешает», – а сам плачет.

Ну, тут видно, и каменного Дзержинского проняло. Выпростал он правую руку из под шинели, поднес ее ко рту и сказал тихо, но внятно: «Владимир Владимирович, Дзержинский говорит. Не могли бы вы объяснить, куда это вы направляетесь?».

И как произнес он это, так сразу это самое «Бум-Бум» и смолкло. Остановился видать поэт революции.

«Здравствуйте», – говорит, – «Феликс Эдмундович. Я вас, представьте, сразу узнал, а ведь сколько лет прошло! А иду я в гости к товарищу Сталину. Помнится, он меня как-то к себе приглашал – мол, приходите ко мне, будем с вами чай гонять с вареньем, а между делом и о литературе беседовать. А то надоели мне эти лизоблюды, только и думают, что бы им такое с меня содрать. А напишут – и читать тошно, еще хуже товарища Безыменского, про которого вы как-то «морковный кофе» сказали. Ну, так я и решил, Феликс Эдмундович, навестить товарища Сталина».

«Ну что ж, теперь все понятно», – говорит товарищ Дзержинский задумчиво.

А товарищ Николай Иванович Ежов слушает, слова не пропускает, и душа

в размерах уменьшиться, иначе вы и в Спасскую-то башню не пройдете, а уж по кремлевским коридорам и подавно. И потом, как же вы с товарищем Сталиным при таком-то росте беседовать будете? Учтите: товарищу Сталину это может не понравиться. Так что вы уж постарайтесь, Владимир Владимирович. Желаю вам успеха. Да, еще: по возможности, не топайте так, пожалуйста. Вы ведь не только товарищу Сталину, вы и мне мешаете. А мне ведь и отдохнуть надо, поспать немного. Днем-то работать приходится, на страже революционной законности стоять. Ну, прощайте, или нет, лучше – до свидания. Кто его там знает, как сложится?», – и с этими словами щит и меч революции, товарищ Феликс Эдмундович Дзержинский, запахнул поглубже шинель и погрузился в прежнее молчание.

Товарища Ежова не надо было подгонять. Шофер усадил его в машину, и они помчались к Кремлю, проскочили Спасскую башню, и товарищ Ежов, на бегу протягивая стоящим на постах красноармейцам свое удостоверение, вбежал в приемную товарища Сталина и уже было в кабинет заходить собрался, но под строгим взглядом товарища Поскребышева все же остановился, одернул гимнастерку, затянул ремень и вошел. Товарищ Сталин медленно поднял глаза от списка, в который он

его, уже почти от тела отлетевшая, вновь в это тело возвращается.

«А замечательно все-таки мы с вами беседуем, Владимир Владимирович! – говорит товарищ Дзержинский Маяковскому. – Видеть друг друга не видим, а слышать и понимать – пожалуйста. Это что же – чудеса новой техники или...».

«Это, Феликс Эдмундович, наши новые технические достижения», – хотел было сказать товарищ Ежов, но тут рот его при виде общения великих светло судорогой; он попытался было показать что-то рукой, но и это как-то не получилось.

А Феликс Эдмундович тем временем к товарищу Ежову обращается: «Товарищ Ежов, немедленно поезжайте в Кремль, доложите товарищу Сталину об обстановке и спросите, какие будут у него указания».

А потом к Маяковскому: «А с вами, Владимир Владимирович, сделаем так: если товарищ Сталин согласится вас принять, можете в Кремль направляться. Если же нет – что ж, значит, в этот раз не судьба, возвращайтесь к себе и ждите, пока вас товарищ Сталин вызовет. Пока же – вот вам еще один мой совет: если вас товарищ Сталин примет, постарайтесь перед этим как-то

что-то аккуратным почерком вписывал, и посмотрел на товарища Ежова.

«А, это вы, товарищ Ежов? Ну как, выяснили, что это был за шум, который мешал нам сосредоточиться на нашей работе?».

Товарищ Ежов, холодея от желания посмотреть в список, но верный традиции, что отвечать товарищу Сталину надо ясно и четко, изложил суть дела и спросил, какие будут указания.

Товарищ Сталин заинтересованно выслушал доклад, потом встал, подошел к окну, долго всматривался в темноту, и наконец, не оборачиваясь к товарищу Ежову, сказал: «Удивительные явления происходят в Москве под самым вашим носом, товарищ Ежов. Удивительные явления! А вы, товарищ Ежов, не можете их предупредить. Более того – вы очень запоздало реагируете на эти явления. Почему так? Может быть, товарищ Ежов устал? Может быть, ему не интересно больше работать? Может быть, нам стоит подыскать товарищу Ежову замену на таком ответственном посту? Но, – товарищ Сталин подождал, пока раскурится его трубка, а товарищ Ежов глубоко осознает ему сказанное, – но мы не будем торопить товарища Ежова с ответом. И мы не будем отвлекаться от задач текущего момента, – и потом, медленно повернувшись к товарищу Ежову, сказал, – передайте товарищу Маяковскому – он стоит сейчас у ворот Спасской башни и разговаривает о чем-то с часовым – что товарищ Сталин будет ждать его во дворе Кремля у своего подъезда.

...Вы как будто не одобряете моего решения, товарищ Ежов? – спросил товарищ Сталин. – Вы как будто не одобряете, что товарищ Сталин сам спустится к лучшему и талантливейшему поэту нашей эпохи?».

И потом, без всякого перехода, сказал: «Иди, дурак! – и, потянув носом, добавил, – и не забудь штаны сменить. У Поскребышева на этот случай на любой размер есть. Понял?».

Железный нарком товарищ Николай Иванович Ежов к этому времени уже почти умер. Но, повинувшись словам товарища Сталина, те останки его тленной оболочки, которые были еще живы, поднялись со стула, вышли в коридор, прошли его возможно быстрым шагом, подошли к машине товарища Ежова, сели в нее, приказали шоферу: «Гони к Спасской!». У Спасской башни вышли из машины и подошли к часовому. Великий поэт революции и в самом деле находился там и разговаривал с часовым видимо о каком-то игривом предмете, потому что часовой время от времени скромно хихикал, не выпуская, однако, из рук оружия и не меняя позы.

Был Маяковский уже своего обычного роста. Так что, когда Николай Иванович Ежов или то, что от него осталось, подошел поближе, он был великому поэту революции только по пояс. Запинаясь и холодея от мысли, что товарищ Сталин ждет на морозе во дворе, Ежов передал великому поэту революции приглашение товарища Сталина и предложил воспользоваться своей машиной, которая их вмиг домчит, на что великий поэт революции сказал: «Пешком дойду быстрее».

Так они и пошли: впереди широко шагал великий поэт революции Маяковский, сзади семенил в насквозь промокших штанах железный нарком Николай Иванович Ежов, а еще сзади ехала машина железного наркома. Товарищ Сталин в шинели, ушанке и сапогах действительно встречал гостя во дворе. Он сердечно обнял Маяковского, причем тот, как это ему удалось остаться загадкой, стал в момент встречи на полтора сантиметра короче товарища Сталина, и пригласил

жестом гостеприимного хозяина следовать за ним. Железный нарком товарищ Ежов, которого никто никуда не приглашал, просто шел за ними, соображая, что ему делать дальше, но на него никто не обращал внимания. Они прошли сквозь анфиладу каких-то комнат мимо застывших как изваяния и как изваяния отдававших честь часовых и, наконец, подошли к двери, у которой товарищ Сталин, гостеприимно пропустив великого поэта революции вперед, сказал: «Милости прошу».

Товарищ же Ежов, не удостоенный и взгляда, подумал, что ему в первую очередь надо сменить брюки, пошел это делать и потом долго не появлялся у двери кабинета товарища Сталина, а когда, преодолев страх, все же решил спросить товарища Поскребышева, можно ли ему войти и услышав «да», вошел, он увидел идиллическую картину. На столе тихо пыхтел самовар, стояли в серебряных подстаканниках два хрустальных стакана с янтарного цвета чаем, сквозь который просвечивали желтые ломтики лимона, а в центре стола стояла вазочка с распространяющим дивный аромат земляничным вареньем. Товарищ Сталин сидел, великий же поэт революции ходил перед ним взад и вперед, импровизируя стихи, из которых товарищ Ежов застал лишь последнюю строфу:

*Я знаю: город будет,
Я знаю: саду цвествь,
Когда товарищ Сталин
В стране Советской есть!*

На что товарищ Сталин, улыбнувшись в усы, сказал на незнакомом товарищу Ежову языке: «Диди поети хар, бичо, дзалиан диди. Картули ена хом ар дагавицкда?»¹

А великий поэт революции ответил: «Рогор шэидзлеба, товарищ Сталин, ам знит гавизардэ!»², на что товарищ Сталин строго заметил: «Но мы не будем забывать, товарищ Маяковский, что мы оба русские и служим русскому народу».

Потом товарищ Сталин и великий поэт революции, обнявшись, подошли к окну и, глядя в темноту, пели в два голоса какую-то песню, из слов которой Николай Иванович Ежов запомнил только «гапринди, шаво мерцхало».³

Потом товарищ Сталин угощал великого поэта революции грузинской Хванчкаррой, до которой и Николай Иванович Ежов был охотник, но ему, стоявшему у двери и переминавшемуся с ноги на ногу, никто ничего не предлагал.

Потом – это было уже около пяти утра – товарищ Сталин извинился перед гостем, показав на свой рабочий стол, лежащую там стопку папок с надписью «срочно» и список, который надо было к заседанию Политбюро отредактировать, и сердечно с ним попрощался. На прощание он подарил великому поэту революции свою шинель на случай особенных морозов.

Великий поэт революции вышел в приемную, Николай же Иванович Ежов, которому никто не приказывал удалиться, остался в комнате товарища Сталина. Товарищ Сталин подошел к окну, посмотрел в темноту и, не оборачиваясь к товарищу Ежову, сказал: «Обеспечьте, товарищ Ежов, чтобы поэты и другие деятели культуры и искусства находились там, где они должны находиться. А товарища Маяковского...»

«Расстрелять?», – почти неслышимым шепотом спросил товарищ Ежов.

Товарищ Сталин, который как-то не привык к тому чтобы его перебивали, с интересом посмотрел на своего железно-

го наркома и коротко сказал: «Болван! Проводишь до памятника, проследишь, чтобы товарищ Маяковский, лучший и талантливейший поэт нашей эпохи и великий поэт революции, с удобствами там разместился, и приваришь его туда намертво. Понял?», – на что железный нарком как-то двинул ссохшимися губами, что должно было означать «понял, будет исполнено», тихо вышел, закрыв за собой дверь, а товарищ Сталин вернулся к своему списку, над которым он теперь работал в одиночестве.

Прошло много лет.

Железный нарком товарищ Николай Иванович Ежов был, вскоре после описанных событий, за допущенные ошибки в работе и за ненадобностью расстрелян.

Товарищ Сталин стал Маршалом, Генералиссимусом, Учителем, Другом и Отцом любимого им народа, и завоевал для этого народа полмира. Потом, потрясши фактом своей смертности полмиллиарда жителей Земли, он умер и был похоронен в мавзолее рядом со своим не менее кровавым предшественником, которому людская молва почему-то предпочла приписать гуманность, и лежал с ним рядом, подавляя его, уже вконец иссохшего, своим величием.

Потом тело его было вынесено из мавзолея и тайно, поворовски, захоронено под покровом ночи у кремлевской стены. Это было бы немыслимо в любой другой стране мира, но в стране, созданной и выпестованной Учителем, Другом и Отцом, и после его ухода живущей по его плану, образу и подобию, не умеющей, да и не желающей жить иначе, было мыслимо все. Человек это сделавший, был возведен молвой в демократы, а над захороненным телом поставили памятник. К памятнику, судя по свежим цветам, не зарастает народная тропа, а портреты Отца и Учителя продолжают вдохновлять митинги и шествия обездоленных и мечтающих о Его руке людей.

Обласканному молвой демократу вскоре пришли на смену другие, потом их сменили третьи, потом и созданный волей народов великий могучий советский союз рухнул, но страна, охотно видящая себя маяком человечества, побродив по окольным дорогам, опять вышла к начертанному Отцом и Учителем пути.

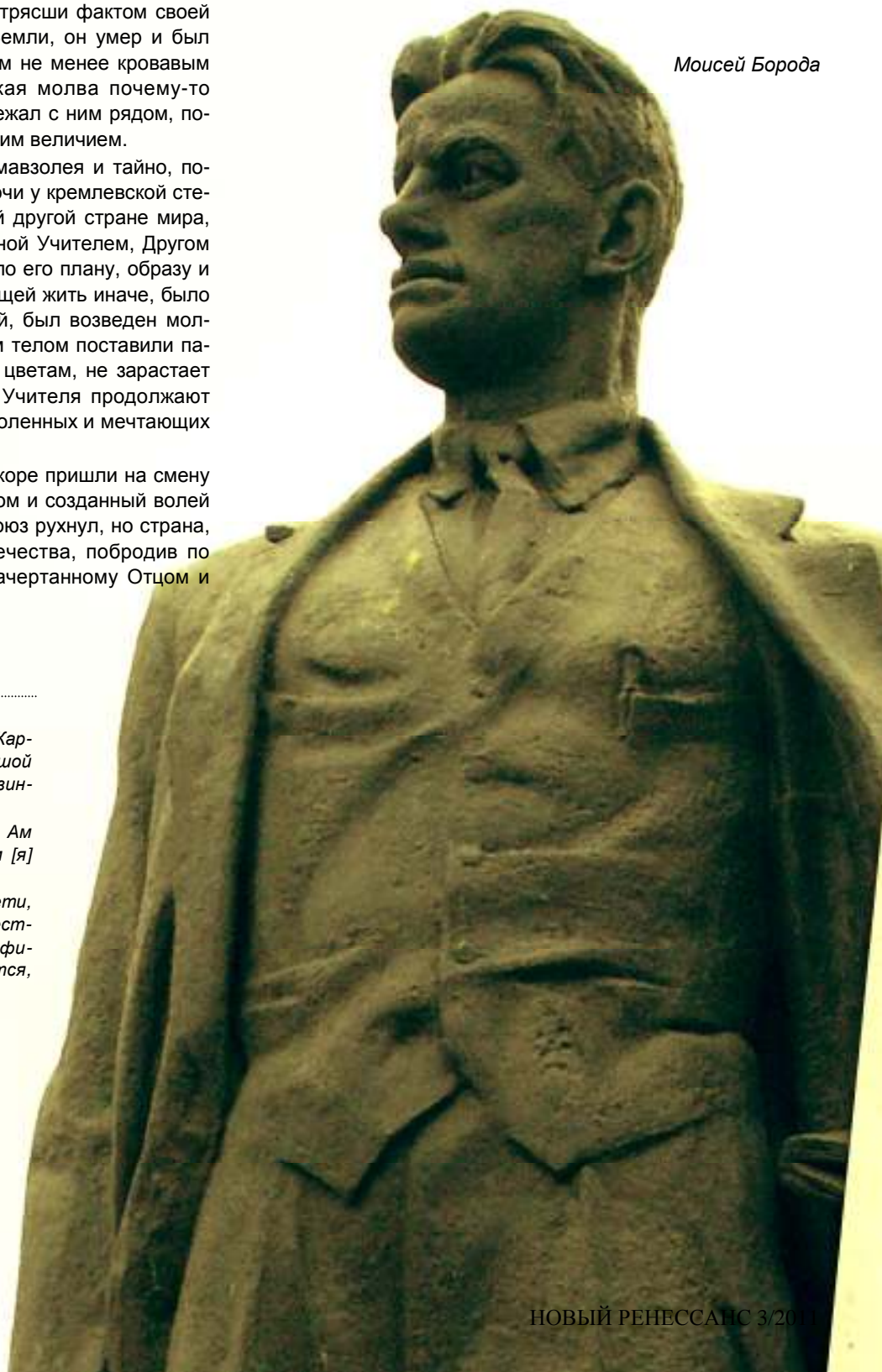
¹ *Диди поэти хар, бичо, дзалиан диди. Кар-тули ена хом ар дагавицкда (груз.) = Большой ты поэт, парень, очень большой. А грузинский не забыл?*

² *Рогор шзидзлеба (груз.) = как можно. Ам энит гавизардэ (груз.) = с этим языком [я] вырос.*

³ *Гапринди, шаво мерцхало (груз.) = Лети, черная ласточка. Одна из наиболее известных грузинских народных песен лирико-философского характера. Как утверждается, любимая песня Сталина.*

Великий поэт революции, ею мобилизованный и призванный, Владимир Владимирович Маяковский, стал просто великим поэтом, но больше уже никогда не сходил со своего пьедестала. Он стоит на площади его имени, подавая пример своей решительностью, непреклонностью и устремленностью в голубые прекрасные дали, и, может быть, сочиняет стихи. Но иногда ночью, когда этого никто не может видеть, губы его трогает внезапная улыбка, а лицо осеняет грустно-задумчивое выражение. Он вспоминает кремлевский кабинет, янтарного цвета чай в хрустальном стакане с плавающим в нем желтым ломтиком лимона, божественный запах земляничного варенья, и то, как они с товарищем Сталиным, обнявшись и скрывая друг от друга свое волнение, пели в два голоса «Гапринди, шаво мерцхало».

Моисей Борода

ЗАПИСКИ ИЗ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

Льянова (урожденная Краева) Галина Павловна родилась на севере России, на берегу Белого моря, в городе Кандалакше, окончила институт в Ленинграде и прожила всю свою взрослую жизнь на Северном Кавказе. За годы жизни на Кавказе Галина Павловна хорошо узнала и полюбила этот благодатный уголок земли, его восхитительные горы, бурные реки, чудесный климат, гордые и сердечные дружелюбные народы, населяющие его. Галина Павловна преподавала технические дисциплины сначала в средних, а потом и в высших учебных заведениях Чечено-Ингушетии. Была награждена званием «Заслуженного учителя ЧИАССР». Она всей душой отдавалась своей преподавательской деятельности, была строга, но очень любима студентами, потому что и сама относилась к ним с большим теплом и любовью.

Литература занимала в жизни Галины Павловны особое место. Писать стихи она начала еще в школе, первые рассказы появились в 50-е годы. Все ее творчество было продиктовано жизнью, многие события, взволновавшие или тронувшие, находили выражение на бумаге, становились рассказами, зарисовками, стихами. Галина Павловна не относилась к литераторам, писала просто для себя и для близких ей людей. Она любила рассказывать детям придуманные ею фантастические захватывающие сказки,

полные волшебства и доброты, придумала их несметное количество. Свои сказки она никогда не записывала, считала их просто баловством, а дети никогда не догадывались, что мама придумывала их сама.

Война в Чечне всколыхнула душу Льяновой с большой силой. Когда начались военные действия в Грозном, Галина Павловна находилась вместе с мужем в городе. Их квартира располагалась недалеко от центра, как оказалось, на «стратегически важной магистрали». Все, о чем она писала вечерами в холодной разбомбленной квартире при мерцании свечи, – пережила сама и видела собственными глазами. Серия рассказов, объединенная общим названием «Записки из осажденного города», написана сердцем, полным любви ко всем участникам этих трагических событий, далеким от политики и меркантильных интересов.

И хотя сегодня Галины Павловны уже нет среди нас, тем не менее, рассказы, написанные ею, остались с нами. Эти «записки» – предупреждение, призыв сбросить с глаз пелену зла, очнуться от дурмана ненависти и узнать лица друзей и братьев в бойцах по ту сторону баррикады. Сегодня – это история. Ее забывать нельзя, но и в тоже время хочется надеяться, что все не повторится вновь.

Л. Шульц

ВОЙНА

Война! Я была совсем маленьким ребенком, когда это страшное слово впервые коснулось моего слуха. С ним были связаны бесконечные дороги, вокзалы, переполненные беженцами, слезы женщин, провожающих своих близких на фронт, трясущиеся от страха руки, вскрывающие «казенный» конверт – а вдруг похоронка? Истошные вопли жен и матерей по погибшим, потухшие глаза молодых женщин, уже не ждущих от жизни ничего.

Это слово принесло в мою детскую жизнь голод и холод, чувство безысходной тоски по родным, тяжелый труд на колхозных полях до изнеможения, до потери сознания. Но даже мне, семилетней девочке, тогда было ясно, что все это надо вынести во имя Победы над общим врагом! И сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я не могу вспомнить более счастливого дня, чем День Победы. Он перевернул мрачную, задымленную страницу моего детства и все началось с чистого листа.

Мы много читали о войне, слушали рассказы ветеранов войны и восхищались их подвигами. Для нас, выросших без отцовской ласки, они все были героями. Мы были переполнены чувством гордости за их такую необыкновенную, полную приключений и самопожертвования, жизнь во имя счастья и очень огорчались, что на нас не хватило войны. Мы не верили, что она повторится когда-либо еще. Но она все же пришла, причем откуда ее не ждали. Расцарапала душу, сожгла веру, вывернула на изнанку убеждения, опрокинула жизнь. Она сторицей восполнила непознанные мною ужасы, от которых бережно защищали нас взрослые в годы Великой Отечественной. Мы стали свидетелями взрывов и пожаров, искореженных танков, до неузнаваемости обезображенных трупов, отвратительных сытых псов-людоедов. Перед глазами были боевики и солдаты, но... не было врагов: свои убивали своих.

Все началось с незадачливой для ГКЧПистов даты – 19 августа 1991 года и провала их путча в Москве. Чече-

но-Ингушетия, точнее, одна ее половина, до того мирная и спокойная республика на Северном Кавказе, зашевелилась, а с приходом к власти в Чечне Дудаева, и вовсе взбунтовалась. Сладкое слово «свобода» было подхвачено криминальными элементами и ими же интерпретировано на разбойный лад. Выпущенные из тюрем или скрывающиеся от преследования преступники стекались в республику и занимали руководящие должности и места в новом правительстве. Все руководители не чеченцы за короткий период были смещены с должностей, да и чеченцы из «бывших» в лучшем случае – понижены в должности. Никто даже не пытался что-либо объяснить или прикрыться законом. Началась откровенная вакханалия по отношению к населению происхождения «не чеченского». Русские, армяне, ингуши, дагестанцы покидали обжитые не одним поколением места. Дома продавались за бесценок. Часто цена называлась не продавцом, а покупателем и продавец вынужден был на

нее соглашаться. Зачастую вырученных денег едва хватало для переезда на новое место. С квартирами было еще хуже. Людей грабили, избивали, насиловали и просто убивали. Обращаться, искать защиты было не у кого.

Промышленные предприятия, на которых, в основном, работали русские, опустели. Практически не работали школы. Уроки сократились до 15-20 мин. Многие предметы не изучались: не хватало учителей. Уже через год перестали работать коммунальные службы. В городе не было отопления, очень плохо работали водоснабжение, канализация, не вывозился мусор. Настоящим бедствием были расплодившиеся крысы, которые бегали по разбитым подъездам и обезлюдевшим квартирам, шныряли под ногами. Городской автотранспорт работал с перебоями, его прибрали к рукам недобросовестные предприниматели. Зарплата людям не выплачивалась по полгода и больше, старики не получали пенсию. Городские улицы наполнились нищими.

В противовес этому бедламу вызывающе смотрелась вдруг, как бы из ничего возникшая роскошь новоявленных чеченских нуворишей: частные виллы и дворцы, занимавшие за бесценок скупленные у прежних хозяев кварталы, роскошные иномарки с безусыми юнцами за рулем, не имеющими водительских прав, разодетые торгаши и скупщики краденого. Все это вызывало у населения недовольство и ропот, что было вполне объяснимо: от разгула преступности, хаоса

и беспорядков страдало не только русскоязычное население, весьма неуютно чувствовали себя и чеченцы.

Сложившаяся ситуация в конечном счете вылилась в оппозицию режиму Дудаева. На ее сторону встала и национальная интеллигенция, в том числе, и та, что служила в правительственных учреждениях. Все ждали, чем все обернется. Наступило 26 ноября 1994 года. В этот день оппозиция бросила первый серьезный вызов режиму, сделала попытку свергнуть его вооруженным путем. В Грозный вошли танки. Однако атака захлебнулась, напоровшись на оборону. Оппозиционеры вынуждены были отступить, оставив после себя подорванные и сожженные танки и убитых людей. На площади перед правительственным дворцом лежали разорванные и обугленные тела погибших. Дудаевцы ликовали. Искореженные машины сволокли на площадь перед дворцом на всеобщее обозрение, а 26-го ноября предложили назвать днем чеченской армии. Реакционеры упивались успехом.

На этом фоне призывы Российского Правительства сдать оружие выглядели, по меньшей мере, наивно. Чечня готовилась к войне. Чеченцы вывозили свои семьи в села, защищенные горами. В городе остались, в основном, старики, не пожелавшие покинуть свои дома. Все знали: война будет, но были уверены в ее молниеносности. Город затих, улицы опустели, машины на дорогах стали редкостью. 11 декабря российские войска вошли в Чечню.

Были взрывы и пожары, битое стекло сплошь покрывало тротуары, но до 28 декабря в домах был свет, работали телевизоры, был газ, изредка можно было дозвониться по телефону. В ночь под Новый Год исчезло все.

ВОДА

Как-то в школе нам задали сочинение на тему: «Роль воды в жизни человека». Чего ожидала от нас, пятнадцатилетних, учительница литературы? Мы не поняли. Весь класс получил неуды. Помню, как долго мучилась над этим сочинением и написала что-то занудное, неинтересное, исходя из предположения, что будет, если вдруг исчезнет вода. Это была плохая фантастика. Разве я могла предположить, что смоделированная мной ситуация может стать реальностью.

Мы жили на севере, на берегу быстрой и очень чистой реки. Вода в ней была прозрачна, как стекло. Я и сейчас помню вкус этой воды. Она до ломоты «холодила» зубы. Позднее, когда я жила уже на юге, я попробовала родниковую воду с необыкновенным привкусом здоровья и силы. Вода была всегда и везде: вкусная и не очень, мягкая или жесткая, прозрачная или замутненная, но обязательно безвредная. Водопроводная вода в Грозном была тоже вкусная. Последние годы из-за плохой работы очистных сооружений ее нельзя было пить некипяченую, о чем неоднократно предупреждали медики. И все-таки она была! Она ласковой струей лилась на вспотевшие плечи, можно было подолгу ловить ее нежные струи лицом, руками, спиной. Ах, какое это было наслаждение! Потом не стало теплой воды. Мы ждали, даже пытались жаловаться. Кто-то обещал, кто-то оправдывался, но все оставалось по-прежнему. Люди привыкли. Постепенно стала уменьшаться струя и холодной воды, а скоро она стала струйкой, которая с трудом наполняла ладони. Кран уже не закрывался, воду собирали, наполняли ванны, ведра, кастрюли и даже ковши и кружки. В квартирах появились баки с водой. Они мешали, раздражали как «временные жильцы», но «нет ничего более постоянного, чем временное». Ведра и баки обрели в наших жилищах постоянную прописку.

Когда кончились запасы воды, люди с ведрами вышли на улицу. Почему-то в одном из подвалов нашего дома из крана текла вода довольно хорошей струей. Люди нашего и других кварталов сходились у этого источника. Старые и молодые с ведрами, баками, бидончиками, кастрюлями спускались по обледеневшим сту-

пенькам вниз, а потом тяжело поднимались наверх и несли их, но уже полные живительной влаги, иногда за несколько кварталов, к себе на этажи: 5-й, 10-й, 12-й пешком: лифты уже давно не работали.

В городе начались бомбежки и обстрелы, рушились дома, но нам, часами стоявшим в очереди за водой у единственного источника, казалось, что это не в нас кидают болванками. На ум шли Киплинг, его Скала Совета, общая беда, постигшая джунгли, – засуха, звери, заключившие на этот период водяное перемирие. Думалось, что с нами ничего плохого не случится. Все-таки случилось. Снаряд разорвался совсем близко, все попадали на землю, а когда все стихло, одна из женщин не смогла подняться. К ней подбежали, стали поднимать. Она застонала: рукав куртки был разорван, оттуда сочилась кровь. Осколок перебил кость выше плеча, рука болталась, как плеть. Кто-то сказал, что нужно ампутировать. Неумело перевязав руку полотенцами, женщину унесли в подвал и уложили на раскладушке – там всегда были люди. С тех пор за водой на улице не стояли. Люди прятались в ближайшем подъезде, а в очереди стояли ведра.

Я ходила за водой ночью. Выжидая промежутки между взрывами, я перебежками пробиралась в подвал с четверья, а то и шестью канистрами, по улице шла в темноте на ощупь, а в подвале зажигала фонарик. Также перебежками возвращалась с одной, а иногда и с двумя канистрами, оставляла их на нижней площадке и шла за другими. Потом канистру за канистрой спокойно поднимала на этаж. За ночь я могла принести до сорока ведер. И очень этим гордилась. Мои ночные походы закончились, когда при очередной вылазке на «тропе жизни», освещенной луной, я увидела убитую женщину. Осколок попал в голову, крови почти не было, она лежала, уткнувшись в грязный снег лицом и как-то неестественно широко раскинув руки. Одно ведро валялось неподалеку, а второе она сжимала уже охладевшими пальцами. Мне стало страшно, я попыталась оттащить ее с дороги, но не смогла, от страха подкашивались ноги, руки обессилели. Ведро, зажатое в ее руке, цеплялось за неровности почвы, но не падало. Это

было ужасно, казалось она и в смерти не хотела с ним расставаться. Я стала будить соседей, но никто не вышел. «Что мы сейчас сделаем? – говорили они, – подождем до утра, ей уже все равно». Утром ее закопали под деревом во дворе, так и не узнав, кто она.

Как-то выстояв несколько часов в очереди, я заметила, что струя стала не такой сильной. Желая ошибиться, я стала крутить кран.

«Кончается!» – зло и коротко проговорил стоявший сзади мужчина.

Резко обернувшись, женщина осуждающе на него посмотрела, будто он мог спугнуть худеющую струю. На следующий день воды не стало. Люди возвращались домой понурившись, с пустыми ведрами. Я видела из окна, как беспомощно топталась старушка на детской площадке, пытаясь собрать снег, задержавшийся у ножки теннисного стола. Какой-то ловкий парнишка приспособился ведром с веревкой черпать воду из грязной Сунжи. Тут же он предлагал ее проходим за деньги. Я смотрела на все это и думала о превратностях судьбы, о наших ночных бдениях, длинных очередях у родника, пока он не иссяк, убитой женщине, сжимавшей мертвыми пальцами пустое ведро, о том, что в мире так или иначе все взаимосвязано и от этой закономерности никуда не деться. Я вспомнила свое школьное детство, учительницу Нину Анатольевну с ее казавшимся нам смешным заданием написать сочинение про воду, поняла чего она добивалась от нас, вступающего в мир сложных взаимоотношений между людьми, где, чтобы отстоять себя надо быть ко всему готовым; что вода – это частность, но наступает время, когда начинаешь ощущать, что и она становится синонимом дыхания, синонимом жизни, самой Жизнью. Я поняла, что наша учительница была мудрым человеком, что мир ставится людьми думающими, что эта непонятная война, где свои бьют своих, когда-нибудь закончится, остановят ее тоже люди мудрые и мы вновь вернемся к спокойной мирной жизни.

1995 г. Грозный

СЕТЕРАТУРА

Сетевая литература была и остается темой для дискуссий. Ей посвящаются обзоры и разборы. Ее хвалят, ругают и связывают с ней определенные надежды. Интернет сегодня уже не мода и даже не хобби. Он стал тем, чем и был задуман с самого начала, – всемирной справочной системой с достаточно быстрым и удобным свойством коммуникации.

Интернет – это площадка для желающих представить себя и свое творчество, возможность найти поклонников своего таланта, при этом минуя третьи инстанции как то издательства, литературные агенты и прочее. Словом, все то, что ставит «препоны» на пути донесения писательского слова до умов обывателей. Что есть проще – зарегистрироваться на каком-нибудь сайте, щелкнуть клавишей мыши и твое творение уже предстало на суд читателей. А вот уж достойно оно или нет того, чтобы называться литературой, пусть расценит читатель.

Кто же сегодня «играет в игру» под названием «Сетература»?

Играют все от графоманов до профессионалов. Профессионал, попадающий в Интернет, становится равен графоману и играет на его поле. Графоманов среди «нападающих» больше. При этом надо учесть общее равноправие. Каждый здесь – равноправный участник «литературной жизни» – писатель и неписатель. Все становится равно всему – блог (пусть детский и наивный) выглядит частью литературы, междусобойчик оборачивается критикой...

Кто-то говорит, что нет никакой «сетературы» точно так же, как не существует литературы рукописной, машинописной и прочее. Что тексты, которые обычно включаются в понятие «сетературы», есть ни что иное, как сочинения, которым не нашлось места в литературном журнале или книжном издательстве. И что литературный Интернет – это продолжение самиздата со всеми присущими ему комплексами и борьбой самолюбий, и не более как склад макулатуры, но только без бумаги.

Как же трактует понятие «Сетературы» Википедия?

«Сетература» – понятие, предлагаемое некоторыми публицистами для обозначения совокупности литературных произведений, основной средой существования которых является Интернет. Интернет как носитель текстов предоставляет в распоряжение авторов ряд средств и приемов, недоступных на бумаге:

- интерактивность текста: автор может предоставить читателям возможность дописывать имеющийся текст — в соответствии с определенными правилами или произвольным образом;

- мультимедийность текста: в литературное произведение, размещенное в Интернете, легко вставить звуковые файлы, файлы с анимированными изображениями и т. п.

В Интернете общение автора с читателями может быть двусторонним и многосторонним, затрагивать не только сам исходный текст, но и личность автора, собственные вкусы всех участников беседы, их творчество и любые иные темы. В конечном счете, первоначальное произведение оказывается только поводом для общения. Поэтому, в таких случаях, продуктом сетевой литературы является не обнародованное на сайте со свободной публикацией стихотворение одного из десятков тысяч авторов, публикующихся там, а вся потенциально бесконечная цепочка реплик, порожденных этим стихотворением, иными словами – сформировавшаяся вокруг этого текста коммуникативная среда. Такое растворение отдельного, определенного текста в текстовой стихии, а также происходящая в этой ситуации «смерть автора» и «рождение соавтора» (ведь авторами возникающей коммуникативной среды являются все ее участники и никто в особенности: граница между автором и неавтором перестает существовать).

А не это ли, уважаемые дамы и господа, рождение нового жанра, в котором, возможно, найдется место молодому и креативному автору? Интернет – это прогресс, в том числе технологический. Так разве можно оставаться от него в стороне?

КАК НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСАТЕЛЮ ПРОБИТЬСЯ В СЕТЕРАТУРУ?

РЕКОМЕНДАЦИИ ОТ ДМИТРИЯ ЗОТИКОВА

Любой человек, размещающий свои опусы в Интернете, мечтает стать гением. В худшем случае – посмертно. Но, желательно, прославиться еще в этой жизни. Некоторые авторы сразу возмущаются. Мы, мол, пишем не ради славы. Просто что-то толкнуло в бок, пришла в голову гениальная мысль, надо срочно донести ее до потомков. Ха! Рассказывайте эти сказки на читательских конференциях. Если, конечно, вас туда пригласят. Все мы хотим стать если не Чеховыми и Достоевскими, то, хотя бы Акуниными.

Утром встал, выпил кофию и за работу. Надо бы навать 5-6 страниц нового романа про визит Воланда в столицу. Как! Сюжет уже был востребован? Какая наглость. Придется сочинить про полковника, которому никто не пишет. Вот был бы я в этой жизни чиновником или даже генералом. Потом умер. Через пару месяцев никто, кроме кредиторов, и не вспомнит. А тут слава, как у Пушкина. Ай да сукин сын. Всех перехитрил. Даже вечность. Вигвам! То есть – фиг вам. Из огромной толпы пробыются «наверх» единицы. Ваш шанс – один к пяти тысячам! Нет, соврал. К десяти. В казино при таких правилах игры давно бы не осталось ни одного клиента. Здесь же – столпотворение.

У вас еще не пропало желание стать писателем? Тогда запомните.

Вы считаете себя непризнанным, но очень гордым гением. Публикуете свои работы и ждете отклика благодарной читательской аудитории. А также приглашения крупного издательства.

Плюньте. Ваш удел – подметать дворы или работать

инженером по технике безопасности в автохозяйстве. Научитесь себя продавать. Да, да, да. Писатель и девка на панели имеют одинаковые корни.

Нет, конечно, если вы пишете «в стол», честь вам и хвала. Сами пишете, сами и читаете. Не жаль. Эта статья не для вас.

Вы готовы выйти на панель? Молодцом. Идем дальше.

Прежде всего, надо добиться, чтобы ваш файл был раскрыт максимальным числом читателей. Значит, придумываем броское название и яркую аннотацию. Например. Вы написали рассказ. Начинающий писатель пишет только рассказы. Если же вы наваяли сразу повесть или роман, то это клиника. Обратитесь к психотерапевту, и дальше не читайте.

Итак, есть рассказ о любви девочки и мальчика. Или хоббита и эльфа. Неважно. Пока неважно. Называем: «Про любовь». Никто не читает. Думаем. «Как стать женщиной». Уже лучше. Есть некий двойной смысл. Публика потянулась. Уже не один читатель в неделю, а два в день.

Сразу оговорюсь. Можно научиться, как привлечь потенциальных читателей. Но нельзя научить, как заставить их читать.

Затем. Придумываем аннотацию. Самое лучшее, придумать ограничение. Например: «Только для замужних женщин». Запрет притягивает. Уже три читателя.

Да, пока не забыл. При размещении рассказа забудьте раздел «проза». В этом разделе пасутся только любители Чехова. Вам, пока, там делать нечего. Размещайте

свой опус в разделах «фантастика», «детектив», «любовный роман». Лучше сразу во всех трех.

На возможные упреки в неправильной адресации – плюйте. Вы пока никто в этом мире, можно подурить. Как сказал Никита Михалков: «Полжизни работаешь на имя, другие полжизни имя работают на тебя».

Теперь о комментариях. Если читатель пишет комментарий, то ваш рассказ его «зацепил». Тут-то вы и узнаете все о себе. Будьте готовы к худшему. Не вздумайте найти автора плохого комментария или отрицательной оценки и ему отомстить. Не унижайтесь. Лучше сотрите рассказ и опубликуйте его по-новому. Да, не пишите сами себе комментарии. Это моветон.

Ваша задача – сделать историю своему произведению. На это может уйти не один месяц. Если вы видите благоприятные отклики читательской аудитории, начинайте рассылать свой опус по издательствам. Большой пользы это занятие не принесет, но свой кругозор обязательно расширите.

О конкурсах. Участие обязательно. Результат не важен. Все равно не выиграете. Во-первых, мало опыта, во-вторых, там свои правила игры. Зато ваш рассказ сразу прочтает много народа.

О времени. Если у вас много свободного времени, делайте себе имя. Критикуйте коллег. По десять в день. Пишите обзоры. Входите в жюри. Тусуйтесь везде, где только можно.

И, в завершение. Не можете не писать – пишите! Одной каплей воды в море больше, одной меньше. Какая разница. Но ведь море состоит из...

От поэзии к художественной авантюре

– Светлана, как давно вы занимаетесь творчеством? Что пришло сначала – тяга к рисунку или к поэтическому слову?

– Рисовала я, как и большинство детей, с глубокой юности, наверное с года. А вот момент, когда проявились способности, я сейчас не вспомню. В 12 лет я увлеклась историей моды и стала рисовать томных красавиц в вечерних туалетах. Вообще я всерьез подумывала стать модельером, художником по костюмам или театральным декоратором. Была у меня такая фантазия. Хотя профессионально рисовать я никогда не училась, даже кружок по рисованию не посещала.

Что касается «поэтического слова», в детстве мама читала мне стихи Пушкина, вместо колыбельных. Это привело к тому, что в возрасте двух лет я лопотала в рифму на непонятном языке. Но это, конечно, не в счет. Сознательное творчество (сначала переводное) могу отнести к пятнадцати

годам. Тогда я перевела несколько сонетов Шекспира для юношеской исследовательской конференции. А вот попытки переложить Пушкина на английский увенчались куда более скромным успехом. Потом я переводила уже с двух языков: с английского и французского. И, наконец, поймала себя на мысли, что не хочу ограничиваться переложением чужих образов и чувств. Что мне хочется говорить о другом, говорить иначе.

– Вы учитесь в Институте журналистики. Почему вы остановили выбор на этой профессии? Почему не пошли в Литинститут?

– Я родилась в семье юристов. В детстве была чрезвычайно серьезным ребенком и почти не улыбалась. Взрослые говорили: «Прокурором будет». Но продолжить «династию» меня никто не принуждал. Так что профессию я выбрала сама.

Я всегда мыслила достаточно рационально и понимала, что профессия – это труд, который приносит тебе некоторые материальные радости. А заработка «свободного художника» не хватит даже на оплату коммунальных услуг. При этом я знала, что хочу иметь нескучную работу, связанную

с языком. По окончании школы я поступила в Институт журналистики и литературного творчества. Это позволило мне освоить интересное ремесло (журналистика в первую очередь ремесло, пускай и с элементами творчества), не оставляя литературных занятий.

– Жалеть о выборе вуза не приходилось?

– Ничуть. Мне посчастливилось с педагогами. У нас преподает целая плеяда умнейших, талантливых людей: Игорь Волгин, Лев Аннинский, Евгений Жарин, Анна Кузнецова, Тамара Дуларидзе. Всех не перечислишь. Известный поэт, философ и переводчик Владимир Борисович Микучевич стал моим литературным наставником. А на мастер-классах режиссера Виталия Калинина я влюбилась в кинематограф. Думаю, моим вторым высшим образованием станет ВГИК (кафедра режиссуры игрового кино). Не сейчас конечно. До настоящей режиссуры я еще не доросла.

– Творчество и профессия должны сочетаться?

– Такое сочетание я вижу крайне редко. И даже не знаю, хорошо ли это. Вот если бы мне сказали, что я должна сдавать N-ное чис-

ло стихотворных строк в месяц или ежедневно с 10 до 18 переводить английских и французских романтиков, стихотворные строки очень скоро стали бы мне ненавистны.

– Каким видите свое будущее в журналистике?

– Найти работу в моей профессии невероятно сложно. Особенно, если ты не дочь, не внучка, не невестка сильных мира сего. Когда сфера твоих профессиональных интересов – культура и искусство, а специализация – тележурналистика, вообще получается гремучая смесь. Но мне повезло. В феврале 2010 я попала на практику в службу информационного вещания канала «Культура», а уже в августе получила приглашение остаться работать редактором. Не люблю загадывать, но мне бы хотелось прочно связать свое будущее с этим телеканалом.

– Ваш первый конкурс? Первое произведение-победитель?

– Первым поэтическим конкурсом, а заодно и первой победой (фортуна улыбнулась мне сразу) стал международный фестиваль «Юная Росса» 2007 года. Там участвовала подборка моих стихотворений.

Не знаю по каким причинам, но о победе никто мне сообщить не удалось. Я узнала об этом уже год спустя из интернета. Оказывается, некоторые стихотворения были превращены в романсы и даже исполнялись по радио.

– *Впечатления от первой победы?*

– Всегда была уверена, что я лучшая. Ну еще убедилась, что в мире изредка встречается справедливость. Просто я могу здраво оценить возможности своих текстов. Вижу: вот это написано хорошо, а это следует отравить в мусоропровод. Хотя даже если я довольна результатом, мне все равно хочется писать еще лучше.

– *Вы активно участвуете в различных конкурсах. Что движет вами: азарт, стремление доказать себе и другим, что вы можете быть лучшей или пополняете копилку очередными наградами?*

– Боже меня сохрани кому-то что-то доказывать, мы же не в суде. Есть замечательный афоризм: «Если бы Шекспир, Бетховен, Веласкес родились в наше время, они оказались бы в ситуации, когда никто о них не узнает». Сейчас можно выставить в музее вантуз и объявить миру, что это скипетр Карла Великого. Поддержать заявление серией выступлений по радио и телевидению, статьями в печатных СМИ, и через какое-то время музейную кассу будут штурмовать толпы. Мы живем в век рекламы, которая воздействует даже на самые независимые умы. И реклама необходима всему. Особенно «разумному, доброму, вечному». В особенности искусству. Так что конкурсы — это реклама, это внимание, это возможность получить публикации в сборниках, выходящих приличным тиражом. Кроме того, выигрывать приятно.

– *Ваше участие в конкурсах всегда ли только заочное, или доводилось читать свои произведения на публике? Где, когда?*

– Ну если мы доживем до светлого будущего, когда приезд победителей на зарубежный фестиваль будет финансироваться за счет государства или оргкомитета, то я сделаюсь завсегдатаем подобных собраний. Купить билет на самолет, чтобы прилететь на вручение премии в Германию — удовольствие не из дешевых, тем более для студента.

Что касается московских конкурсов, то я охотно читаю, если зовут. Вот в декабре в Нотной библиотеке Юргенсона прошли вечера «Серебряного стрельца» (есть такой международный поэтический конкурс). Читала там своего «Паганини». Вообще я воспринимаю выступления, как данность, но у меня нет для это-

го особенного дарования. Я сторонник актерского чтения. Люблю, когда стихотворение «разыгрывается» на сцене, превращается в крохотный моноспектакль. Послушайте, как читает стихи Алла Демидова, как читали Иннокентий Смоктуновский, Олег Даль. Мне не повторить и тени. Каждый должен заниматься своим делом. Хотя и в авторском чтении есть свои гении. Маяковский, Есенин, Северянин славились, как великолепные исполнители.

– *Как началось ваше сотрудничество с издательством Adventure Press?*

– В 2009 году я вела блог на livejournal и периодически публиковала там свои рисунки. В числе прочих был модный эскиз: субтильная дама в широкополой шляпе с пером. Из-за этого «траурного» пера друзья окрестили ее «блоковской незнакомкой», хотя одета она в платье 20-х годов. Однажды на мою страницу заглянула латвийский писатель и издатель Елена Соковенина. Блоковская дама в точности напоминала героиню ее авантюрного романа «Пять долларов для доктора Брауна». Так я получила предложение выполнить серию иллюстраций (благо, действие романа разворачивалось в Англии начала 20 века, мой любимый исторический период) и пустилась в эту художественную авантюру.

– *Ваша мечта?*

– Быть миллионером и путешествовать. Обожаю смотреть мир. Европу, все воспринимаю, как невероятное скопление красоты. И мне грустно сознавать, какое количество стран и городов мне так и не доведется увидеть.

При оформлении интервью использованы работы С. Астрецовой

Стихи Светланы Астрецовой

Орфей

*Посвящается одноименному
фильму Жана Кокто*

«Харон!» – я кликнул перевозчика
И выспросил о плате жестами.
И трехголовое чудовище
Я усыпил игрой божественной.

Огнем и ужасом охваченный,
Измучен жаждою танталовой,
Я отворил ворота мрачные
И провалился в зал опаловый.

Я шел над безднами бесплодными,
Как сень развесистой смоковницы.
В просвете меж двумя колоннами
Стояла тень моей любовницы.

Орфею в города аидовы
Немыслимо спуститься крадучись,
Сажает Смерть меня со свитою
Своей отведать ужин праздничный.

Нет, ни единый плод не выношен
Без высшего на то согласия.
В тысячелетие единожды
Идет из города оказия.

Концерт Паганини

Когда переполнено чрево святыми,
Собор исторгает наружу чудовищ.
Оркестр, готовый играть Паганини,
Шумливей и бойче цыганских становищ.

Взошел за пюпитр намеренно резко
Седой капельмейстер во фраке с раструбом.
Как бес, как преступник, как дух бестелесный,
Он был провидением вздернут под купол.

Он руки вознес, точно вносит в чертоги
Хрустальные блюда, груженные данью;
Внезапно возник и застыл на пороге
Обтрепанный нищий, являя страданье.

Послушная, флейта метнулась к клирбосу
И смерть приняла, как отвар белладонны.
Обласканный, тенор оконную розу
Растрогал, и роза раскрыла бутоны.

Повержен на плиты седой капельмейстер,
Способный из залежи вылепить душу.
Святых пожирая, гаргулий и бестий
Собор с высоты исторгает наружу.

Я ПО ПРИРОДЕ – УЧЕНИЦА

**О себе рассказывает член МГП, актриса,
главный режиссер московского театра «КомедиантЪ» – Ирина Егорова.**

Судьба, видимо, еще до моего рождения озаботилась тем, чтобы мне никогда не удавалось заскучать. Родилась и выросла я в Одессе. Мне посчастливилось учиться в знаменитой 116-й физико-математической школе. Это был удивительный островок свободы, чем-то напоминающий пушкинский лицей. Примерно в это же время я стала заниматься пантомимой, и закончив математический класс, конечно же, сразу рванула в Москву – штурмовать театральные институты. После первого поражения, проработав годик грузчиком в Москве, я все-таки поступила в ГИТИС на актерско-режиссерский курс А.Гончарова. И с первого курса до окончания ГИТИС работала актрисой в театре Маяковского.

Потом много лет актерской работы в театре «Царицыно» актрисой. За это время сыграла больше сорока всевозможных ролей, из них около двадцати главных.

Параллельно с этим, в театре «У Красных Ворот», который организовала вместе с мужем Игорем Чулановым, работала актрисой и помогала учить студийцев актерскому мастерству.

Играла все: от Красной шапочки – до Серого Волка, от Снегурочки – до

Бабы Яги, включая промежуточные станции всевозможных лирических, комических и трагических героинь классики и современности. Это и Нина Заречная в Чеховской «Чайке», Любовь в Набоковском «Событии», «Незнакомка», Лиля Брик, Булгаковская Аннушка, Эдт Пиаф и пр.

Попутно, в борьбе за жизнь, освоила еще около 20 разных специальностей. Плодилась и размножалась – без отрыва от театрального, и других творческих процессов. У меня двое детей от разных браков, сильно отличающихся по возрасту, полу, характеру и фамилии. Любила всегда – до потери пульса. Тем не менее, выходя замуж, всякий раз умудрялась оставаться на своей девичьей фамилии.

Стихи писала с четырнадцатилетнего возраста, но, по глупости, тщательно скрывала это в течение многих лет. В 1995 году, прочитав свои стихи на поэтическом конкурсе, внезапно вырвалась на люди, как изголодавшийся поэтический Джин из разорванной этической бутылки. Тут последовал неожиданно бурный прием аудитории, затем масса выступлений, публикаций, побед и премий, вступление в творческие Союзы.

По правде говоря, мне всегда казалось, что жизнь моя насыщена и утрамбована до отказа, под самую завязку и добавить к моим обязанностям что-нибудь еще – совершенно нереально. Но каждый раз, когда удается оглянуться назад, вынырнув на секунду из вороха всяческих неотложных дел и затей, вдруг понимаю, что все предыдущее было просто курортом! Интересно, удастся ли мне, в конце концов, научиться растягивать сутки или раздвигаться, расстраиваться, раздесятеряться? Ну, или хотя бы освоить ноль-транспортировку? Очень хотелось бы.

Но вот однажды, когда в голодные 90-е я работала ответственным редактором газеты и журналистом, параллельно вела детскую театральную студию, взялась преподавать семь театральные предметы в колледже

«Маросейка» (кроме того, слегка подрабатывала шитьем, конечно же, воспитывала собственных детей, писала стихи, прозу, пьесы, жила, любила, печалилась и радовалась), тут-то жизнь и привела меня в театр «КомедиантЪ», созданный Аленой Чубаровой. Видимо, маловато мне было уже имеющейся нагрузки.

Поначалу Алена задействовала меня как актрису и автора стихов, которые были включены в спектакль. Но вскоре перед бездомным «Комедиантом» встал вопрос – где репетировать. Музей Маяковского дал свое добро, но с одним условием – спектакль должен быть о Маяковском. Алена сообщила мне эту новость, а я ужасно обрадовалась. Я ведь любила Маяковского с детства, потому что успела прочитать его до того, как начала изучать в школьной программе. Было решено: я буду помогать Алене в этой постановке.

Начали изучать горы материалов по Маяковскому. Работники музея всемерно нам помогали – водили с экскурсиями по всему немислимому четырехэтажному музею, снабжали уникальными материалами, подсказывали интересные книги. Мы с Аленой начали соединять воедино добытые яркие зарисовки, эпизодами, стали сплетать сценарий из самых разнообразных отрывков писем, дневников, произведений. Некоторые сцены писали прямо в экспозиции музея, представляя, как они впишутся в это пространство; как должны будут реагировать зрители, находящиеся практически рядом. Так рождался сценарий «ОН – САМ».

Когда приступили к постановке, стало ясно, что видение целого у нас, практически, одно, а вот режиссерский подход – диаметрально противоположный. У Алены сильно развит структурный подход, она практически сразу видит приемы, мизансцены – собирает «скелет» спектакля. Я же умею раскрыть актеров, простроить внутреннее действие, «вытащить» нужные реакции – нарастить «мясо»,

наполнить форму жизнью. Это не значит, что мы разграничили сферы влияния. Главное, что такое дополнение друг друга многократно усиливало качество и темпы постановки. Спектакль получился совершенно необычный, реакция зрителей – мощная. Все, кто на входе относился к Маяковскому скептически, цедя через губу: «Я достаю из широких штанин...» – на выходе, совершенно обалдевшие, говорили: «Неужели, это все Маяковский написал?» – и бежали его читать. Так, совершенно неожиданно для нас, сложился соавторский, сорежиссерский – творческий альянс, и дальше мы уже сообща потащили все проблемы и радости, связанные с театром. Актеры же прозвали нас двуглавой орлицей.

Спектакль «ОН – САМ» не прошел незамеченным. Было множество телевизионных сюжетов и статей, показ директорам других музеев. На нас посыпались предложения сделать спектакли о других выдающихся людях. Так постепенно мы стали обрабатывать целину, которая вскоре сформировалась в культурно-просветительский проект «Театрализованный музей. ЖИВАЯ ИСТОРИЯ». Сценарии всех постановок этого проекта мы с Аленой пишем сообща. Каждый из них начинается с изучения колоссального пласта всевозможных материалов, связанных тем, кому посвящается спектакль. Пишем мы всегда прицельно – для наших конкретных актеров, зная их возможности и особенности, а также то, в какую сторону им можно развиваться. Это своего рода «индпошив», иногда – «на вырост». Во всех сценариях перед репликами поначалу фигурируют: Анька, Верка, Митька, Сашка, Сенькин, Алена, Ира, и т.д., а потом уже имена актеров «причесываются» и превращаются в имена персонажей.

Зная по собственному актерскому опыту, что такое творческий голод из-за недовостребованности, у нас никто не играет «пятый гриб справа». У каждого – либо главная роль, либо мно-

жество персонажей, в которых можно преобразиться на протяжении спектакля.

Сейчас постановок в этом проекте накопилось больше десятка. Спектакль в музее Владимира Высоцкого «Мой Гамлет», посвященный 30-летию Любимовского «Гамлета»; диптих о Марине Цветаевой «Морская тропа» и «Голос мой крылатый» – в сотрудничестве с Домом-музеем Цветаевой; спектакль по Есенину «О поэте говорят стихи»; три спектакля по биографии и произведениям Булгакова: «Садовая 10, далее – везде», «Стремительный год», «Вещица» – в музее-квартире Михаила Булгакова (в легендарной «нехорошей квартире» № 50); еще одна постановка в музее Маяковского «Машина Чудакова» – по мотивам пьесы «Баня»; два спектакля в музее общественных инициатив: «Больше, чем театр» – о К.С. Станиславском и «Подвижники нужны, как солнце» – об А.П. Чехове. К этому списку можно прибавить еще спектакль «Радость начинается сегодня» – о великой французской певице Эдит Пиаф, который, к сожалению, не удалось вписать в парижский музей, из-за дальности его местонахождения.

Но это не означает, что вся наша деятельность сводится исключительно к «музейному» проекту. Каждая из нас (я и Алена Чубарова) пишет стихи и прозу. Пьесы же мы пишем как порознь, так и в соавторстве. Есть немало побед и премий в разнообразных литературных конкурсах, публикации в книгах и журналах, выход авторских сборников. К нам, как магнитом притягиваются талантливые люди – актеры, писатели, музыканты. Многие спектакли украсил артист, поэт, бард, скрипач Григорий Эпштейн. Есть у нас профессиональный композитор и актриса – Анна Левина, которая пишет музыку к большинству наших постановок, сама блестяще поет и аккомпанирует.

Все это побуждает нас организовывать самые разные проекты: выпуск альманаха «Царицынские подмости», проект театрализованной читки современной драматургии «Театр с листа», концерты, вечера поэзии и прозы «Автор плюс актер». Что-то из этих блиц постановок перерастает впоследствии в спектакли и аудио постановки. Некоторые наши сказки и пьесы для взрослых ставим мы сами, некоторые идут в других городах и странах. Да и в нашем театре есть спектакли других авторов.

Еще один проект – это «Театр малых форм». В этом проекте хочу выделить постановки нашей актрисы – режиссера и сценариста Ольги Непухаревой: «Дороги, которые мы не вы-

бирали» – по документальным материалам узниц ГУЛАГа и «Радость есть» – по рассказу Дины Рубиной. Эти спектакли Непухарева играет вдвоем с Еленой Токмаковой-Горбушиной. У Ольги есть и моноспектакль «Пелагея» по прозе Федора Абрамова.

Есть и более новые постановки этого проекта. Спектакль «Дурная привычка» – история о мужчине и женщине, которые не могут быть вместе, но жизнь каждого из них друг без друга теряет смысл. Они встретились детьми, всю жизнь писали друг другу письма, но слишком поздно поняли, что это и была настоящая любовь. Этот спектакль я поставила по мотивам пьесы Альберта Р. Гурнея «Любовные письма». Перевод – Дмитрия Напалкова, он же играет главного героя пьесы. Роль героини исполняет Алена Чубарова. Присутствуя на каждом представлении, я всякий раз наблюдаю картину, как зрители на протяжении действия улыбаются, смеются, а в конце глаза их переполняются слезами, слышны всхлипы – плачут даже мужчины. Все уходит потрясенными, многие возвращаются не единожды, чтобы увидеть эту постановку еще раз.

Мой моноспектакль «НОМО FOR-TUNATUS или Человек счастливый» поставлен по моим стихам, прозе, драматическим миниатюрам. В аннотации сказано: «Персонаж спектакля путешествует по своему внутреннему миру, в поисках секретного хода к счастью, попадает в разные пространства, реальности, тупики, даже в анекдот – чтобы отстоять свое право быть счастливым человеком. Наивность и страсть, проза и поэзия, юмор и трагизм, сплелись воедино в этом парадоксальном путешествии. Когда героиня находится на грани краха, помощь приходит неожиданно – от зрителей, которые становятся соучастниками раскрытия, становления, обнажения ее души». Этот спектакль отобран на два международных фестиваля: в Санкт-Петербург и в Кишинев. Сейчас мы уже на чемоданах – поездки состоятся, практически, одна за другой.

И пускай снова к нам притягиваются талантливые люди, интересные проекты! Пускай жизнь творится на бегу, и, к счастью, не втискивается ни в какие рамки, а разве что расплескивается иногда каким-нибудь четверостишием.

*Пусть в доме – вечный тарарам,
Я странница, моя страница
Всегда открыта всем ветрам.
Я по природе – ученица.*

В гостях у журнала член МГП, поэт, литературный критик,
редактор отдела критики журнала «Новая литература»
Анастасия Бабичева.

Не бывает произведений хороших и плохих, бывает точка зрения

– Анастасия, почему вы решили заниматься именно критикой? Что послужило толчком?

– Честно говоря, так сложилось само собой. Впрочем, многое в жизни получается именно так: мы не планируем, но как-то само приходит, да так и остается с нами. Еще со школьных лет я много читала. Вскоре определились и читательские предпочтения – современная литература. А так, как и в лицее, и в университете я получала гуманитарное образование, ориентированное, в том числе, на навык развернуто анализировать прочитанное, увиденное, услышанное, то рефлексивное восприятие, действительно, превратилось в норму.

Читая, я автоматически выделяла определенные приемы, замечала какие-то нюансы, сама для себя делала пометки и замечания. Постепенно это вылилось и в профессиональные предпочтения: я защитила диплом по литературоведению, т.е. иными словами развернуто анализировала. А когда начала писать сама и, соответственно, больше читать своих коллег-авторов, пишущих здесь и сейчас, авторов, так же, как и я, заинтересованных во мнении по поводу их работ, естественным показался и тот факт, что мне стоит попробовать себя в качестве критика.

Со временем сложились некоторые принципы критической работы, я получала одобрительные отзывы уже на собственные статьи, и это давало новые стимулы. Кроме того, так как наш учебный процесс был во многом построен в форме дискуссии, обсуждения, и я всегда активно принимала в нем участие, стараясь применять на практике навыки академической речи, риторики, я несколько раз слышала от своих сокурсников, что мне надо ста-

новиться критиком, что у меня это хорошо получается. Это тоже подтолкнуло и дальше пробовать себя на поприще литературной критики.

На данный момент критика составляет, пожалуй, наибольший объем моей литературной работы. Знаю, что по этому поводу существует распространенное мнение: критикует тот, кто сам не может писать. Я не берусь утверждать, могу ли я писать – судить об этом не мне, а читателю. Но что касается современной российской критической литературы, то, полагаю, она скорее не развита – ни качественно, ни количественно. Особенно, если сопоставить ее с объемами современной печатной и электронной литературы. Поэтому я думаю, что занимаюсь делом, которое не только мне нравится, но и которое считаю во многих отношениях полезным.

– В современной литературной критике культивируются различные жанры – статья, рецензия, обзор, эссе, литературный портрет, полемическая реплика, библиографическая заметка. Какой жанр ближе всего вам? Кто чаще всего становится объектом для ваших рецензий и критических заметок?

– Я не могу сказать, что сознательно придерживаюсь определенного жанра. Он во многом определяется объектом критического анализа. Есть работы, о которых достаточно сказать всего пару предложений и идея будет исчерпывающе выражена. Есть произведения, которые, наоборот, стимулируют на детальный художественный анализ, на объемные, развернутые критические тексты. А есть и такие, которые вдохновляют на полноценное критическое творчество, по прочтению которых хочется оформить

свои мысли, например, в какой-то игровой форме (написать пародию или просто построить критическую статью в форме иного жанра – пьесы, рассказа или даже стихотворения), либо написать философское эссе или статью более широкого культурного контекста. Хотя, конечно, нельзя не признать, что современный литературный контекст диктует требование лаконизма; это особенность и сетевой литературы, и большинства современных литературных журналов. Сам жанр критики, в ответ на общие художественные тенденции, становится все более афористичным.

Что касается объектов для моих критических работ, то это, как я уже сказала, преимущественно современные авторы. Для меня не имеет принципиального значения степень их признанности или даже известности, количество написанных работ или источник их публикации. Главное, чтоб текст вызывал отклик, чтоб захотелось сказать, подумать, порассуждать.

– Легка ли жизнь самарского критика или ваши коллеги не попадают в ваши критические заметки?

– Пару раз мне, действительно, приходилось писать рецензии на самарские издания, но никаких особенных сложностей по этому поводу не возникло. Напротив, все же литпроцесс Самары я знаю чуть лучше, а потому и разобраться в происходящем чуть проще. А вообще, какой-то локационной привязки моя работа также не имеет. Мы живем в такое время, когда большая часть литературы существует, в том числе, в сети Интернет, а значит и географических границ для критика, как и для любого автора, практически не существует.

– В связи с ответственной ролью критики в литературном процессе, в судьбе книги и автора, большое значение приобретает вопрос о ее нравственных обязанностях. Профессия накладывает на критика существенные моральные обязательства, предполагает принципиальную честность аргументации, понимание и такт по отношению к писателю. Как в вашем случае: обижаются ли на вас за критику или может быть, наоборот просят написать рецензию? Как известно рецензия в какой-то степени служит и пиаром для авторов.

– Я в полной мере понимаю всю ответственность, которая ложится на критика. Она особенно велика именно в ситуации современной литературы, когда принцип свободы интерпретации определяет само существование произведения. И критик, публично высказывая свое мнение, прежде всего посягает на ограничение этой свободы. Для меня проблема моральной ответственности стояла особенно остро в период начала моей работы. В итоге, это вылилось в небольшой рассказ сходной тематики – «Неприимчивый критик». Мой рассказ – размышление, облеченное в художественную форму, в чем-то автобиографичное, а в чем-то, напротив, построенное на принципе оппозиции моим личным воззрениям. Так, например, я стараюсь придерживаться принципов объективности и порядочности в своей работе. Не бывает произведений хороших и плохих – бывает точка зрения. Высказывая свое, я никогда не претендую на универсальность оценок, а потому стараюсь показать в равной мере сильные и слабые стороны произведения. Конечно, бывают случаи, когда произведение подвергает восторг или, напротив, вызывает бурные эмоции отторжения – личное неприятие высказанных идей, недоумение и т.п. И я считаю, что это хорошо; так и должно быть – любой читатель должен активно пережить книгу, не важно с каким знаком оценки. А для критики эмоциональная искренность важна еще больше. Но все же я стараюсь искать компромисс между объективностью, мотивированностью суждений и субъективной модальностью. Наблюдаю за работой коллег и часто вижу противоположную тенденцию, когда основной целью статьи является хлесткое слово, когда критика основана исключительно на эмоции, чаще всего негативной. Да, это вполне рабочая стратегия. И, да, обычно читатели воспринимают

такую критику с большим ажиотажем: вербальное зрелище привлекает читателя-зрителя. Но лично для меня такая стратегия неприемлема, возможно, потому что я сама являюсь автором. А вообще, реакция на мои работы бывает разная, опять же – весь спектр эмоций: и агрессия, и обида, и благодарность, и восторженность. Но для меня самой особенно ценно ответное стремление быть объективной – своего рода критика на критику. Ведь критик – такой же автор, а рецензия – такое же произведение.

Меня довольно часто просят написать рецензии и сами авторы, и редакторы различных изданий, рекомендуя кого-то из публикуемых авторов. В таких случаях я стараюсь быть честной – не отказываю, но и не обещаю: если произведение, действительно, находит отклик, с удовольствием пишу. Так, например, я открыла для себя несколько авторов, знакомство с которыми очень ценю.

– А как вы относитесь к критике в свой адрес? Или пока еще не попали на острие пера другого литературного критика?

– Мои писательские, да и критические работы, конечно, тоже подвергались критической оценке. Для меня это всегда очень важно и ценно. Я рассматриваю критику исключительно как продуктивную, полезную информацию, и это касается далеко не только литературы. Ведь, каково бы ни было мнение, если оно возникло, значит на то есть основания. А поле для самосовершенствования всегда и для любого автора огромно, в этом я уверена.

– Анастасия, помимо того, что вы критик, вы еще писатель, поэт и переводчик. Как давно вы занимаетесь творчеством? Способствовала ли выбору вашего увлечения литературой окружающая среда родного города?

– Что касается писательства, то здесь я начинала хаотично – что-то писала еще с детства, сочиняла стихи, сказки. Но серьезно занялась писательством, то есть стала задумываться, что, как и для кого я пишу, не так давно, около трех лет назад. Училась скорее у своих любимых писателей XX века, у каждого – чему-то особенному. Училась у литературы модерна и постмодерна, в целом. А вот, что касается перевода современной поэзии, то в этом у меня был учитель,

самарский поэт, переводчик, критик, лауреат премии Андрея Белого – Александр Михайлович Уланов. Вместе с ним мы в течение уже нескольких лет организуем семинары по переводу современной американской поэзии. А началось все с того, что, будучи еще студенткой, я случайно попала как раз на первый такой семинар – тогда просто в качестве участника. Современная американская поэзия – феномен, который может легко шокировать неподготовленного читателя. Что-то сродни шока испытала и я; но, все же имея опыт «общения» с современной поэзией, меня это не оттолкнуло, но, наоборот, привлекло. Мне стало интересно рассмотреть эту поэзию поближе, «распробовать» ее – если не понять, то почувствовать. И после семинара я продолжила общение с Александром Михайловичем. Мы вместе работали над текстами, он советовал мне интересные оригиналы, мы обсуждали возможности перевода и, вообще, саму проблематику этого культурного феномена, столь не типичного для российской современности.

На следующем семинаре я уже выступала в качестве организатора. А не так давно вышел сборник самарских переводов современных американских авторов – итог нескольких лет работы наших семинаров. Этот переводческий опыт давал и дает мне очень многое: прежде всего, новые способы восприятия форм вербального искусства, способность отходить от конвенций. И хотя в собственной художественной практике я более консервативна, свою переводческую деятельность считаю очень важной.

– Чем самарская литературная жизнь отличается от столичной?

– К сожалению, на этот вопрос я не смогу дать объективного ответа. Одной из моих творческих особенностей является то, что я никогда не стремилась входить в какие-то сообщества, в том числе литературные, я скорее избегаю этого. Конечно, это не значит, что я не наблюдаю за самарской литературной жизнью: напротив, внимательно наблюдаю, регулярно принимаю участие в ее событиях и мероприятиях, общаюсь с ее представителями. Но я все же считаю, что, так сказать, творческая обособленность, дающая, тем самым, менее выраженные границы, более продуктивна для автора, нежели интенсивное включение себя в строго локализованное литературное пространство. С другой стороны, я стремлюсь следить

и за литературными тенденциями Москвы, тем более, Самара имеет довольно тесные связи со многими столичными литературными деятелями. Но все же, чтоб рассуждать и сравнивать, моего интереса, полагаю, не достаточно.

– Легко ли женщине совмещать писательство и семейный быт?

– Для меня такой вопрос не стоит, потому что в моей жизни одно совершенно не противоречит, не противостоит другому. Я полагаю, что писательский опыт – это, прежде всего, художественное переосмысление опыта жизненного и, в том числе, бытового, повседневного. Для меня семья – самое важное в моей жизни, говорю это без лишнего пафоса и преувеличений. Семья – это моя сила, моя поддержка, мое убежище. А потому я люблю наш семейный быт, именно он дает мне энергию, в том числе, для творчества.

Кстати, хотела бы немного сказать о еще одном важном аспекте моей жизни, непосредственно связанном с писательством. Уже почти два года я занимаюсь волонтерством – на добровольных началах работаю с детьми-инвалидами и сиротами. На сегодняшний день я являюсь учредителем общественного фонда «Домик детства», который специализируется на организации и проведении волонтерами всевозможных досуговых, развивающих, развлекательных мероприятий для таких детей. Как я писала выше, я искренне полагаю, что писательский опыт – это, прежде всего, художественное переосмысление опыта жизненного, а для меня с некоторых пор и опыта волонтерского.

До определенного момента мне не удавалось привести в соответствие два интересных мне направления работы – писательство и волонтерство. Мне постоянно казалось, что писательство отнимает часть времени и энергии у волонтерства, и наоборот. Но однажды я осознала, что мой ху-

дожественный опыт просто не имеет права идти в обход моего опыта социального. Этому пониманию во многом способствовала опять же моя переводческая работа: я заинтересовалась переводом так называемой литературы поддержки (supportive literature/inspirational literature) – западного феномена, посвященного проблемам, в частности, инвалидности. И эти тексты дали мне четкое представление о том, насколько такая социально-ориентированная творческая практика важна. Важна не только для объекта повествования, важна для каждого возможного читателя, для всех читателей, в целом, и, конечно, важна для самого автора. Поэтому сейчас я стараюсь активно вовлекать свой волонтерский опыт в практику писательства, и хочу надеяться, что моя работа в этом направлении найдет поддержку и отклик.

Беседовала Л. Баумгартен

Стихи Марты Ронк в переводе Анастасии Бабичевой

Мраморы Элджина

Их плечи отведены назад, они требуют тепла, хотя сбросить драпировку; их кожа кажется горячей. Бесхитростные, простоватые они просят нас подойти и коснуться, сорвать их мраморные одежды.

Однажды я видела такое плечо у девочки старше своих лет, которая знала, как показать себя, и сбрасывала любую руку со своего плеча.

Одежды цвета обнаженной кожи, она отрезала все волосы и села абсолютно неподвижно: никто не мог ее коснуться.

На этот раз в широком зале, когда охранник повернулся спиной, я положила руку на плечо того, чье имя не известно, несомненно.

Читая Саффо

Конечно, ее бедра, конечно, то, как дышит, когда из Спарты кто-то идет неспешно мимо. Конечно, ей все мало кожи. Днями позже ты не станешь

рассказывать мне, как слова прекрасны, как потеют от них твои ладони. Ты мне напомнишь, как ты реагируешь на это. И наблюдая за твоею тонкой красотой,

я вспоминаю пухлый рот Саффо и изобилье ее улыбки. Она придумывает многоногих женщин как прыгают они в комическое море. Ими заполнена вода.

Мы ходим по канату. Если настало время Раздумываем, стоит ли сказать, что на уме у нас. Так ровны волосы твои, и сплетены узлами мои пальцы.

Гречанок плотью комната полна. Мы оставляем позади запястья тонкие, зачеркиваем все, что написано о нас. И дама толстая склоняется, чтоб пристегнуться.

Учредитель:

Международная Гильдия Писателей

<http://schriftstellergilde.org>

Издатель:

© Издательство «stella.ru»

<http://stella.ucoz.de>

Редакционный совет:

С. Куропатов

В. Точилин

Редактор:

Е. Яхненко

Дизайн:

© В. Цветков

Ответственный секретарь:

А. Баумgarten

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

ISBN

2011

Verlag «stella.ru»

Deutschland

ISBN-Verlagsnummer 978-3-941953